

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ТЕОЛОГИЯ

ПРП. ИУСТИН ЧЕЛИЙСКИЙ
(ПОПОВИЧ)

ТОЛКОВАНИЕ НА СВЯТОЕ ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА (ИН. 7–10)¹

ПЕРЕВОД С СЕРБСКОГО

Сергей Павлович Фонов,

православное издательство Паломник;
palonmik@gmail.com

Для цитирования: *Иустин Челийский (Попович), прп. Толкование на Святое Евангелие от Иоанна (7–11) / пер. С. П. Фонова // Диакрисис. 2023. № 1 (17). С. 14–59. DOI: 10.54700//diakrisis.2023.1.17.001*

Аннотация.

УДК 27-29

Публикация представляет собой перевод с сербского языка 7–11 глав Толкования на Святое Евангелие от Иоанна известного сербского святого, богослова и плодovitого церковного писателя XX века прп. Иустина Челийского (Поповича; 1894–1979). В своей экзегезе прп. Иустин совмещает глубоко православное понимание евангельского текста, святоотеческую экзегезу и собственное оригинальное богословско-философское богомыслие и мирозерцание. Перевод выполнен С. П. Фоновым по изданию: *Јустин Ћелијски (Поповић), преподобни. Тумачење Светог Јеванђеља по Јовану*. Београд, Ваљево: Манастир Ћелије, 2001.

Ключевые слова: Иустин Челийский (Попович), Библия, Евангелие от Иоанна, Иоанн Богослов, святоотеческая экзегеза.

¹ Разрешение на публикацию перевода любезно предоставлено директором православного издательства «Паломник» П. Н. Роговым.

Глава 7
Господь Иисус Христос приходит в Иерусалим
на праздник поставления кущей
(Ин. 7, 1–53)

7, 1–13. Как ненавязчив Спаситель, как хочет Он, чтобы никто не уверовал в Него под принуждением, или из страха, или механически, автоматически. Доказательством сему являются Его братья: *И братья Его не веровали в Него*. Он же не желает только одного — совершить насилие над человеческой волей. Поэтому каждому оставляет Он возможность свободно совершить выбор: пойти за Ним или против Него, и причем на основе личного опыта. Всему свое время. В Своем Божественном промыслении о людях Господь Иисус Христос устроит спасение людей как на Своем человеколюбии, так и на проявляемой по отношению к Нему любви человека. Его человеколюбие всегда бесконечно, всегда готово излиться на каждого человека, однако у людей нет такой любви ко Христу, чтобы могли они в Него уверовать. Отчего это так? От *злых дел*. *Злые дела* людей — это выражение их любви ко всему злему, лукавому; а зло всегда ненавидит добро; любовь к злу есть, по существу, противник любви ко Христу, потому что любовь ко Христу — это любовь к добру. Господь Иисус Христос знает, почему ненавидит Его лежащий во зле мир: *Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы*. Как Спаситель об этом *свидетельствует*? Самим Своим явлением, ибо лишь в Его свете видна вся пагуба зла и величие добра. К этому следует прибавить также и Его учение, Его Евангелие. И по праву можно сказать: до пришествия Богочеловека Христа люди, по сути дела, и не знали, что такое добро и что такое зло. Он первый, Своим Богочеловеческим светом, ясно провел между добром и злом разграничительную линию. Ведь демоническое лукавство зла состоит в том, что зло всегда хочет прокрасться под видом добра, замаскироваться и представить себя благом. Оно настойчиво и искусно себя защищает. Из этого мирового спектра добра и зла, который Христос осветил с одного конца до другого, люди — а особенно Христовы современники — выбирают либо добро, либо зло. Первенствовал же в этом народ: он чувствовал, что Христос знаменует Собой перелом и переворот в истории мира, в хронике жизни. Отсюда и такие *распри о Нем в народе*. И поистине исполняется на Нем пророчество

праведного Симеона: *Сей на падение и на восстание многих в Израиле и в предмет пререканий* (Лк. 2, 34).

Христос в Храме (Ин. 7, 14–53)

7, 14–17. Откуда у Христа такие знания? Они нисколько не похожат на школьные, книжнические. Современники объаты недоумением и возбужденно спрашивают: *Как Он знает Писания, не учившись?* Отвечает же им Сам Господь: *Мое учение — не Мое, но Пославшего Меня.* Рассмотрите, отличается ли оно от Божия учения в Священном Писании? Разве не видите, что все это учение — от Бога. Если же все оно от Бога, то кто тогда Проповедующий это учение? Не Божий ли Он посланник, Мессия? Недостаточно лишь изумляться и недоумевать по поводу Моего учения; нужно дознаться, откуда у Меня такое учение. А дабы определить это, есть лишь один путь: *творить волю Божию* — и немедленно вам будет открыто, *от Бога ли сие учение.* Воля же Божия вот — она изложена в Писании; *творите* же ее, и она приведет вас к познанию, и вы *узнаете*, что Мое учение — поистине от Бога, поистине Божие и в целом, и в частностях. Все это зависит от свободной человеческой воли: надобно только захотеть. Да, надобно только возжелать *творить волю Божию* — и всё тебе будет открыто, и на собственном опыте ты *узнаешь*, что Мое учение *от Бога.* Во всем Моем и за всем Моим стоит Бог. Я ничего не творю Сам от Себя, но только то, что слышу от Отца: Он глаголет через Меня и Я — Им. Одно у Нас существо, одна воля, одна премудрость, одно Евангелие, одна истина, одна правда, одно учение. Все это можно проверить лишь следующим образом: *Кто хочет творить волю Божию, тот узнает о сем учении, от Бога ли оно, или Я Сам от Себя говорю.* Здесь опять своего рода экспериментальный метод, путь личного опыта; ничто не навязывается механически, автоматически, насильно. *Твори — и узнаешь.*

7, 18. Но если не захочешь ее творить, то вечно будешь истлевать в могиле мертвых теорий, басен и гипотез, навеки пребудешь тем мертвецом, [погребать] которого надо предоставить мертвым, и навсегда останешься рабом самолюбия и славолубия, каков ты и сейчас. А самолюбие и славолубие не творят правды Божией. Они даже не пытаются этого делать, потому что все их существо — это жить и услаждаться страстями, сотканными из самолюбивых похотей. Нет в них

ни Бога, ни Божией правды. А следовательно, нет и истины. Славолубец все всегда выпрядает из самого себя, то есть из болезненной любви к самому себе. Однако все это и трагично, и тленно, и смертно, и несправедливо, и ложно. И прямиком увлекает в погибель как душу, так и тело. Если какая-либо человеческая наука не приводит к Богу, то знай: нет в ней истины, той истины, которая может устоять и перед лицом смерти — и не погибнуть. Да и истина ли это, если отступает она перед смертью? Истина — лишь то, что одолевает смерть жизнью, то есть связывает, побеждает и уничтожает смерть. А таков Христос и все, что от Него. Поэтому вне Его нет истины; поэтому Он один во всем человеческом роде дерзновенно и справедливо возвестил: *Я есмь Истина* (Ин. 14, 6). Все, что Он делает, — делает Богом для спасения людей; все совершает *во славу Божию*, поэтому Он *истинен, и нет неправды в Нем*. Истина и правда суть близнецы; такими же близнецами являются ложь и неправда. Кто *ищет славы себе*, кто славолубив — в том нет ни *истины*, ни *правды* Божией. Но чего ищущу Я? Конечно, не *славы Себе* и не славы от вас.

7, 19–24. Все, что делаю, Я делаю *во славу Божию*. Одно дело сделал Я во славу Божию: *всего человека исцелил в субботу*, и вот — *вы ищете убить Меня*. Или не ведаете Божией истины и Божией правды: *суббота* для человека, а не человек для *субботы*. Вы *в субботу принимаете обрезание*, не считая это грехом, но мните грехом то, что я *человека исцелил в субботу*. Обрезание плотское — лишь символ духовного обрезания; а Я это духовное обрезание — спасение людей от греха, и страстей, и смерти — уже совершаю: отсекаю и отбрасываю от них все греховное, смертное, нечистое. Поэтому *не судите по наружности, но судите судом праведным*.

7, 25–31. Пораженное грехом людское сознание непрестанно пытается убедить самого себя, что Иисус — не Христос, не Мессия. Жители Иерусалима знали из пророков, *откуда Христос* и откуда Ему надлежало быть; тем не менее они бессовестно утверждают, что хотя и *знают, откуда Иисус*, впрочем, *Христос же когда придет, никто не будет знать, откуда Он*. Спаситель же обличает неистинность их такого утверждения. И добавляет, что представляет такие доказательства о Себе, каких никто опровергнуть не может: Его послал Отец, Он истинен: *ἐστὶν ἀληθινὸς ὁ πέμψας με* — *истинен Пославший Меня*, и всё, что от Него, — истина. Не ведают же они Его из-за своей упорной привязанности ко греху и ко всему лукавому. Ведь Истинного можно познать

и ведать лишь Истиной. Его знает Тот, Кто от Него: *Я знаю Его, потому что Я от Него — ὅτι παρ' αὐτοῦ εἰμι*. Отчуждившие же себя грехом от Него не могут Его знать. А простой народ судит о Христе и Его делах без лукавой софистики и, видя Его дела, заключает, что Он — Христос; *многие же из народа уверовали в Него и говорили: когда придет Христос, неужели сотворит больше знамений, нежели сколько Сей сотворил?*

7, 32–36. Этого достаточно, и послали фарисеи и первосвященники *служителей — схватить Его*. Иисус не защищается, но они все-таки не могут Его схватить, *потому что еще не пришел час Его*. Спаситель же предсказывает им, что и это их намерение исполнится, но не в их пользу, а на благо спасения мира. Вы схватите Меня и убьете, но именно тогда Я Своей Божественной силой совершу спасение мира: воскресну из мертвых и с плотью вознесусь на небо; и тогда *где буду Я, туда вы не можете придти*. Более вы уже не сможете Меня убить.

7, 37–39. Смерть опустошила человеческое естество, превратив его в пустыню: все живое в нем заразила она собой, истощила, иссушила; и человеческое естество — сознательно или бессознательно — ничего так не желает и не *жаждет*, как жизни. Откуда у людей такой страх перед смертью и такое к ней отвращение? Смерть в течение своего многовекового царствования в человеческом естестве настолько в него вжилась, настолько срослась с человеческой природой и человеческим сознанием, что люди считают ее для себя чем-то естественным. Господь же первым явил и удостоверил, что смерть для людей есть нечто вовсе не естественное и вообще не человеческое; напротив, естественным и вполне человеческим для людей является жизнь. Никто, кроме Господа, этого не сделал и сделать не мог. Человек живет в этом мире для того, чтобы из него *текли реки воды живой*. Это происходит, когда человек исполняется Богом, *Духом Святым*. Ибо *Дух Святой* изгоняет из человека смерть, истребляя в нем все смертное и преображая его в существо вечное и богочеловечное, — для чего человек и был сотворен Богом. А *Духом Святым* исполняет лишь *вера* в Богочеловека Христа: *вера* во все Его Богочеловеческое Домостроительство спасения. Вера вселяет Господа Иисуса Христа в человека, а вместе с Ним и *Духа Святого*. И поистине тогда *потекут* из человека *реки воды живой*, то есть *Дух Святой* через Свою благодать и Божественные дары. И *потекли реки воды живой* в День Святой Пятидесятницы из святых апостолов, и поныне они непрестанно источаются из всех Христовых духоносцев: святых и праведных подвижников;

непрестанно истекают они и из Богочеловеческого Тела Христова, из Церкви. Ибо со Дня Святой Пятидесятницы *Дух Святой* пребывает в Церкви и подается из Церкви и Церковью. Подается же Он лишь *верующим* во Христа, по всеистинному слову Спасителя: *Кто верует в Меня, у того, как сказано в Писании, из чрева потекут (точнее, будут течь) реки воды живой.*

7, 40–44. По поводу этих слов Спасителя вновь произошла о Нем распря в народе, то есть *разделение* (σχισμα) в народе, разобщенность: одни утверждали, что Он — *пророк, другие говорили: это Христос*, а третьи не говорили ни того, ни другого. Некоторые даже *хотели схватить Его; но никто не наложил на Него рук.* Почему? Это объясняют нам сами *слуги первосвященников и фарисеев*, посланные Его схватить.

7, 45–53. Они слушали всё, что Иисус говорил, возвратились к своим господам и на их вопрос: *Для чего вы не привели Его?* — ответили: *Никогда человек не говорил так, как Этот Человек.* Значит, и они почувствовали ту Божественную силу и крепость в словах Спасителя, которую нельзя ни пересилить, ни воспрепятствовать ей. Об этом в Евангелии говорится, что *Он учил их как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи* (Мф. 7, 29). Впрочем, фарисеи и впредь остаются при своих пристрастных предрассудках об Иисусе, которые они провозгласили для себя истиной о Нем, и отвечают слугам: *Неужели и вы прельстились?* И лишь *Никодим* являет собой исключение из их среды, с крайней осторожностью замечая, что нужно сначала *выслушать* кого бы то ни было и разузнать, что он делает, и лишь затем выносить о нем окончательное суждение.

Глава 8

Христос и женщина-грешница (Ин. 8, 1–11)

8, 1–11. В одном событии — все Евангелие. Предположим, что полностью пропали, затерялись все новозаветные сочинения, начиная от Евангелия от Матфея и кончая Откровением Иоанна Богослова, но остались лишь эти 11 стихов из восьмой главы Евангелия от Иоанна, описывающие только это событие. Их было бы достаточно, чтобы показать нам, что Иисус — Богочеловек и что Он самым совершенным образом решил наиболее трудную проблему человеческой совести и сознания. Проблема заключается в следующем: следует ли

убивать человека за грех или нет? Спаситель решил ее так, как никто и никогда ее не решал: человека нужно отделить от греха, то есть никогда нельзя отождествлять его с грехом, но надобно осудить грех и помиловать грешника, убить грех, но сохранить жизнь согрешившему. Ни один грех не может объять всего человека и убить в нем все богообразное и бессмертное. Даже самый величайший грешник грешен не весь. Нужно лишь приступить к нему с Богочеловеческой любовью и соучастием: тончайшими ножницами евангельского человеколюбия отрезать грех от его души, от его существа, удалить из него грех, а к нему относиться с Христовой нежностью как к только что оправившемуся от болезни. Убивать же грешника за грех — это наиболее зверское решение проблемы человека и греха.

В этом евангельском событии все потрясающе трогательно: женщину, взятую в прелюбодеянии, книжники и фарисеи приводят к Иисусу и спрашивают: *Моисей в законе заповедал нам побивать таких камнями. Ты что скажешь?* Искусительный характер этого вопроса весьма очевиден: если Иисус выскажется против Моисея, значит Он — противник закона; если же согласится на то, чтобы мы побиили ее камнями, то пропадает вся Его слава как всемилостивого Человеколюбца и чудотворца. Во всяком случае, теперь Он от нас не уйдет. А Иисус? ...*Наклонившись низко, писал перстом на земле:* земля — это вы, как бы говорил Он им; из земли, из праха вы сотворены, и всё в вас подобно праху и пыли; посмотрите же в свое происхождение от всех предков вплоть до Адама: все — прах и пепел; каждый своими грехами осудил себя на смерть и убил; и по праху и брению вашей плоти ползают лишь грехи. Рассматривали ли вы себя в зеркале Моисеева закона? Посмотрите на самих себя: кто из вас не заслуживает смерти? О, сколько грехов в каждом из вас! Столько же, сколько пылинок в этом песке, на котором я сейчас пишу пальцем. Если же не так, то *кто из вас без греха, первый брось на нее камень. И опять, наклонившись низко, писал на земле:* новое Евангелие, новое благовестие об отношении к грешникам, а значит — и ко всем людям. Вот, вы обладаете полной свободой: побейте ее камнями. И хотя сказал Я вам то, что сказал, Я не имею силы вас заставить; более того, Я не хочу, чтобы вы поступили по Моим словам. Да, но этим самым Он пробудил в них ту самую угасшую божественную силу — совесть, и вот она делает свое дело. *Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью — ὑπὸ τῆς συνειδήσεως ἐλεγχόμενοι, стали уходить один за другим,*

начиная от старших до последних. Имея перед глазами свои грехи, они забыли о грешнице; вероятно, они о ней уже и не вспоминали, а может быть, больше и не видели ее от своего стыда. *Иисус же, поклонившись и не видя никого, кроме женщины, сказал ей: женщина! где твои обвинители? никто не осудил тебя? Она отвечала: никто, Господи. Иисус сказал ей: и Я не осуждаю тебя; иди и впредь не греши. Не осуждаю тебя как Божественное творение с богообразной душой, но осуждаю твой грех: Иди и впредь не греши. Никто не осудил тебя,* потому что никто из них не без греха. Это относится и ко всем людям: во всех живет грех. Новое благовестие, новизна Нового Завета как раз в этом и заключается: надлежит спасти грешника от греха, а не убивать его за грех. Если был бы принят противоположный принцип: убивать грешника за грех, — то никого бы из людей не осталось в живых, потому что у всех много грехов; а более всего их у тех, кто попытался бы претворять этот принцип в практику. Ведь каждым своим грехом люди сами себя убивают, побивают камнями, совершают самоубийство, сами на себя навлекая вечную смерть. Христос же весь в следующем: спасти людей от греха, от этой единственной силы, производящей и порождающей смерть в роде человеческом. Спасая людей от греха, Христос одновременно спасает их и от смерти. *Впредь не греши,* а это значит: войди в бессмертие². Как? Через евангельские добрые дела, через исполнение Божиих заповедей. Ибо не будешь ты более грешить, если наполнишь свою душу боголюбивыми чувствами, мыслями, хотениями. Если же возлюбишь Бога — то возненавидишь грех. В этом нет никаких сомнений, это самое верное средство; прибегая к нему, ты ясно ощутишь, что находишься на евангельском пути, который через Истину вводит в бессмертие и вечную жизнь.

Слово Христа о Себе как истинном Мессии (Ин. 8, 12–59)

8, 12. Все дальнейшее повествование восьмой главы есть не что иное, как объяснение Спасителем Своего поступка с блудницей. *Опять говорил Иисус к народу и сказал им: Я свет миру — Ἐγὼ εἰμι τὸ φῶς τοῦ κόσμου; кто последует за Мною, то не будет ходить во тьме,*

² Букв.: обессмерти себя. — *Примеч. пер.*

но будет иметь свет жизни — τὸ φῶς τῆς ζωῆς. Свет міра осиявает все, что в міре, осиявает во всей полноте, от вершины до основания; не является исключением и человек: все присущее человеку насыщается этим светом; более того, лишь с помощью этого *света* человек может рассмотреть все, что в нем живет: зло и добро, смертное и бессмертное, диавольское и божественное. Без этого *света*, то есть до того, как он воссияет, человек не знает и не видит ни самого себя, ни окружающего его міра; он и в самом деле *ходит во тьме*. И лишь *последуя за Христом*, человек зрит и себя, и мір. Ведь когда *Свет міра* вводит человека в мір и наставляет его в міре, тогда человеку открываются все тайны міроздания. Этот *Свет* вводит человека и в тайну жизни, раскрывая ее перед ним во всех ее божественных бесконечностях. Только через веру в Личность Богочеловека человек постигает истинный смысл жизни и зрит ее божественную, логосную цель, а также все глубины, и высоты, и широты бытия. Поэтому и здесь Богочеловек — *Свет міру*. Все другие веры человечества вообще и человека в частности водят человека *во тьме*, не имеющей ни конца, ни выхода. В этой *тьме* люди задыхаются, слепнут, спотыкаются, падают и погибают в безднах. И лишь Богочеловек, вечная Жизнь, есть тот *свет жизни*, который никакая тьма смерти не может ни объять, ни угасить. А *тьму* производит грех; он и распространяет ее по человеческому существу. Смерть — это сконцентрированный, усyrённый, окаменевший грех во всех его проявлениях. За всеми же сими стоит отец греха, диавол. И как Богочеловек по праву говорит о Себе: *Я свет міру*, так и диавол мог бы справедливо о себе сказать, что он — тьма міру.

8, 13–18. *Фарисеи* в самом деле смотрят и не хотят увидеть, что Христос есть воистину *свет міру* и *свет жизни*. Да, злонамеренно не хотят они этого видеть даже тогда, когда имеют перед глазами тот факт, что Иисус помиловал блудницу, — вот громогласное чудо, то есть не только доказательство, но и самое ясное свидетельство и ручательство о Божестве Иисуса и о Его Богочеловечестве. Они и впредь бессовестно говорят Спасителю: *Ты Сам о Себе свидетельствуешь, свидетельство Твое не истинно*. Не желают они замечать того, что ни в одном Своем деле Христос не один, *не Сам*; и в Личности Своей, и в бытии Своем Он — *не Сам*, но всегда *со Отцем* Своим, нераздельно с Ним и по существу, и по действию. Поэтому Он решительно утверждает: *Я Сам свидетельствую о Себе, и свидетельствую о Мне Отец, пославший Меня*. Поэтому Мое свидетельство — это

всегда *свидетельство Двух*, и причем каких Двух! *Двух* из Святой Троицы. Посему оно всегда *истинно*; посему и *суд Мой истинен* — ἀληθινή. Меня вы не признаёте, но признаёте ли Бога Отца? Если бы вы Его признавали, то через Него poznали и признали бы и Меня, потому что Он *свидетельствует о Мне*. Тогда сказали Ему: *где Твой Отец?* Иисус отвечал: *вы не знаете ни Меня, ни Отца Моего; если бы вы знали Меня, то знали бы и Отца Моего*.

8, 19–21. Рассмотрите любое Мое дело, или слово, или мысль — все они прямо приведут вас к Отцу. Но именно этого вы и не хотите, а посему — *не знаете ни Меня, ни Отца Моего*. Знание об Одном приводит к знанию о Другом. Эти Двое суть одно и единосущно. Но вы прилепились к одному замыслу и ему себя поработили: как бы схватить и убить Меня. Но этого не будет, пока не придет тому час. Есть один грех, в котором присутствуют две смерти, — это христорбчество. Этот грех — в вас, и вы — в нем. Да, вы окружены им, заключены в него, как в темницу, из которой нет выхода, — *и умрете во грехе вашем: умрете во грехе* христорбчества, предавая и распиная Христа. Тогда как в своих злых душах вы будете думать, что навсегда убили Иисуса, Я через Воскресение выйду из смерти и вознесусь как вечноживой Богочеловек в мир оный. И тогда: *Куда Я иду, туда вы не можете прийти*; тогда *Будете искать Меня, и умрете во грехе вашем*.

8, 23. Из-за этого своего главного греха — христорбчества = богоборчества — люди не ощущают своего небесного происхождения; они его забыли, грех пригвоздил их к земле и смешал с нею. Всем своим существом они *от вышних*, однако грех вогнал их в землю и искажил все их качества; они стали подобны пресмыкающимся, приравняв себя ко всему подлому и низкому, то есть к тому, что не имеет небесного происхождения. А Иисус? Он весь *от вышних*, с неба: *Я от вышних* — ἐκ τῶν ἄνω. Он — Бог, сошедший с неба, соделавшийся человеком и как человек пребывавший Богом; об этом Он свидетельствует и это удостоверяет во всех Своих делах. Люди сотворены богообразными, чтобы жить в этом мире, но сознавать свое происхождение от мира иного: там, в Боге, их исконное и вечное небесное отечество. Однако своими богоборческими грехами они настолько удалили себя от Бога и неба, настолько зарылись в землю, окунулись во всё земное, прильнули к земле, смешали себя с прахом и брением, что всецело стали обитателями мира сего, мира дольного; поэтому Спаситель и обличает их: *Вы от мира сего*. Мир же сей люди превратили в своеобразную мастерскую, кузницу

греха и смерти, без остатка посвятив себя их производству. Фабрика греха и смерти — вот что такое земля, а люди — производители. В силу этого *мір сей* и отделен от *міра оного*; бывшее до грехопадения логосное отношение между ними нарушено, связь разорвана — и *мір сей* погрузился во тьму безбожия и язычества. А Иисус? Вот в Нем — тот безгрешный *мір*, соблюдавший чистоту и чуждый всякого греха; Иисус — весь в единстве с тем *міром*, *весь от міра оного*. И если спросишь, каким был человек до грехопадения, то вот тебе живой ответ: [таким, каков] Иисус. А Его *мір*? Это все то, что делает Иисус и как Он это делает; Его *мір* — это *мір* до грехопадения, в котором нет ни греха, ни смерти.

8, 24–26. Люди же своими грехами будут постоянно уничтожать сами себя и низвергать в смерть, пока этого не увидят, то есть пока не обратятся к Иисусу и не пойдут вслед за Ним *верою* в Него. А вера в Него выводит — через святые евангельские добродетели — из всех грехов и из всякой смерти и вводит в бессмертие и вечную жизнь. Таким образом, она выводит верующих из *міра сего* и вводит их в *мір горний*. Но пока люди не уверуют, что Иисус есть Богочеловек и Спаситель, они будут умирать в своих грехах: *Если не уверуете, что это Я — ὁτι Ἐγώ εἰμι, то умрете во грехах ваших*. Если же они *уверуют* в Него как в Богочеловека и Мессию, то возвратятся в тот изначальный, предгреховный божественный *мір*: к *от начала Сущему*, к *Начатку*. И когда Его спрашивают *Кто же Ты?* — Он им отвечает: *От начала Сущий*³, *как и говорю вам — τὴν ἀρχὴν ὅτι καὶ λαλῶ ὑμῖν*. Всё соделанное и совершаемое людьми в их грехах и грехолюбивых похотях достигло такой меры и качества, что даже всеведущий Богочеловек имел о том *много говорит и судит*, но сейчас Он воздерживается от *суда*, потому что пришел не *судить* людей за грехи, а спасти их от греха. И то, что Он *говорит, говорит* как Сын Бога Отца; и причем *говорит* лишь то, *что слышит* от Отца. Ибо одно у них существо, одна воля, одно Евангелие.

8, 27–29. Но люди не разумеют этого: как Он — Иисус — может быть одно с Отцом Небесным. Когда же они это уразумеют? Когда Иисус совершит Богочеловеческое дело спасения людей, когда будет *вознесен* на крест и после Воскресения *вознесен* на небо с плотью, тогда *узнают* они, кто Он и что совершил на земле, равно как и то, что Он *ничего не делает от Себя, но как научил Его Отец Его, так и говорит*.

³ В церк.-слав.: *Начаток*. — Примеч. пер.

Уразумей смирение Иисуса: здесь Он говорит о Своем человеческом естестве, которое всегда и всему — даже тому, что говорить — научается от Бога. Спаситель неустанно подчеркивает, что Он в то же время — и Бог, и человек, и как человек — ниже Отца. Но хотя Он и в человеческом теле, Иисус есть Бог Слово; поэтому с Ним всегда и Отец, пославший Его: *Отец не оставил Меня одного, ибо Я всегда делаю то, что Ему угодно*. В том и величие человека Иисуса, что Он *всегда делает то, что угодно* Богу Отцу. В этом же опять-таки и величие каждого человека вообще. Иисус — живой тому пример.

8, 30–32. Что значит: *веровать во Христа*? Значит всем существом пребывать в Его *слове*, в Его Евангелии: всего себя оградить этим словом, *пребывать* в нем навек, всегда им жить и руководствоваться. Лишь такая вера у Христовых учеников и последователей преобразует все их грехолюбивое человеческое существо. Вера же частичная, вера момента, вера условная — не спасает и не преобразует человека. И лишь вера от всей души, от всего сердца, от всего помышления — вот вера, спасающая и коренным образом преобразующая человека. Поэтому Спаситель и обращается к *уверовавшим в Него*: *Если пребываете в слове Моем — ἐν τῷ λόγῳ τῷ ἐμῷ, то вы истинно Мои ученики*. Что же это принесет и дарует вам? — *Познание истины*, а истина дает свободу от греха, и прелести, и лжи. Если человек *пребывает* в Евангелии Спасителя, в Его *слове*, то его существо постепенно наполняется Божественной *Истиной*, изгоняющей из него все грехи и все греховное, а таковы суть все виды обольщения и лжи, так как грех — это основная ложь, весь он зиждется на лжи и только ею поддерживает свое существование: будете как боги. Через эту первую бесовскую ложь грех вошел в людей, в человеческий род. Богочеловеческая же *Истина освобождает* людей от греха, а тем самым — и от всех проявлений и видов лжи, на которых человек пытался созидать свою жизнь в этом мире. Лишь Богочеловеческая Истина приносит людям подлинную *свободу*: свободу от греха. *Истина* и *свобода* нераздельны. В этом тоже новизна Нового Завета. Любая иная свобода ложна, иллюзорна.

8, 33–38. И когда иудеи заявляют в ответ, что они — *семя Авраамово* и что *не были рабами никому никогда*, и потому-де свобода Иисуса им не нужна, Спаситель им отвечает: *Истинно, истинно говорю вам: всякий, делающий грех, есть раб греха — δοῦλός ἐστι τῆς ἁμαρτίας*. Грех *порабощает* человека похотям, лишая его божественных и богоподобных сил или же парализуя их. А через все это лишает он их и свободы

в Боге. Ведь только в Боге истина не имеет границ и в ней — свобода. Лишь эта истина и лишь эта свобода не умирают. Любая другая истина и свобода, будучи творениями человеческими, умирают и издыхают вместе с человеком или, лучше сказать, умирают и издыхают через каждый его *грех* и порок. *Раб греха* — это человек *греха*; он убежал от Бога, выселился грехами из Божия дома, перестал быть *своим Богом* (Еф. 2, 19) — и весь вошел в дом диавольский (так как *грех* — это диавольский *дом* в мире сем) и стал своим диаволу. *Грех* похищает у человека его богосыновство; до порабощения себя греху человек — сын Божий и как сын *пребывает в доме* Божиим: в Божием Царстве, в Царстве Его вечной Истины, вечной Правды, вечной Любви, вечной Силы. Но стоит ему предаться греху, *поработить себя греху*, как тут же перестает он быть Божиим сыном и как таковой выселяется из дома и из Царства Божия как сын блудный. Иисус же, вечный Божий Сын, возвращает каждому человеку утраченное сыновство, освобождая его от греха. Посему и говорит Он: *Если Сын освободит вас, то истинно свободны будете* — *ὄντως ἐλεύθεροι*, истинно свободны, а не призрачно.

8, 39–40. Вся разница между Христом и христорборцами заключается в следующем: Он *говорит* и делает то, *что видит у Отца Своего*, а они *делают то, что видят у своего отца*, то есть у диавола (см. Ин. 8, 44). Христос — верный Сын Бога Отца, а они — преданные сыны диавола. Любя и творя грех, люди делаются и остаются верными сынами диавола; чьи они сыны — это люди доказывают своими делами. Христорборческие иудеи были бы *детьми Авраамовыми*, если бы творили *дела Авраама*. Творя же дела, не сообразные с делами Авраама, они обнаруживают себя детьми диавола. Главное же их противное Аврааму дело — то, что они хотят *убить Богочеловека*, Который как человек, по-человечески доступным способом, поведал им истину, услышанную от Бога. Спаситель особо отмечает, что Он — истинный человек: *Ищите убить Меня, Человека, сказавшего вам истину, которую слышал от Бога*. Делая это, вы являете собой открытых богоборцев; *Авраам этого не делал*.

Ин. 8, 41–59

8, 41. Перед человеком открыты только два пути: путь к Богу и путь к диаволу. Человек сотворен Богом: и тело его, и душа имеют происхождение от Бога; но по своей воле, через грехи, он как бы

рождается от диавола⁴. Любовь к Богу — это естественный, нормальный, логичный путь человека в мире; любовь же ко греху — это путь неестественный, ненормальный и нелогичный. Если человек творит худые дела, если предается дурным помыслам и чувствам, то он на пути греховных страстей, который через грехи увлекает его к диаволу, да и все диавольские грехи приводит и вселяет он в человека. Ведь любой грех прямо или косвенно рождается от диавола; нет такого греха, который не проистекал бы от него. Если же это так, то пристрастившийся ко греху человек — от него, от диавола, так как своими помыслами, вожделениями и всеми чувствами он от него рождается: рождается от него и своим самосознанием, и своим мироощущением; рождается от него душой. И тогда люди — сознательно или бессознательно — *делают дела отца своего*, диавола.

8, 42–43. А человек, шествующий по пути боголюбия, всеми своими мыслями, всеми чувствами, всей душой, всем сердцем, всей силой [как бы] исходит из Бога и вновь в Него возвращается. Он всецело рождается *от Бога*, каждый день и каждую ночь: через все новые и новые боголюбивые мысли, через устремленные к Богу чувства и божественные дела. И, таким образом, он делается сыном Божиим, а Бог — *его Отцом*. Сын подобен Отцу своим духовным образом (ликом), бого-образом. Идущему по пути боголюбия даруется познание Христа как совершенного и вечного Сына Божия. Любовь, как на крыльях, приносит его ко Христу и через веру и прочие евангельские добрые дела всецело передает Христу. И он ощущает Христа во всем своем бытии. И поверяет себя Им: все свои мысли, все чувства, все душевные движения, все свои дела — поверяет Им, *от Бога* ли они. Ибо всё то, что Христос не приемлет как Свое, — [всё это] не *от Бога* и недостойно человека, недостойно и его богообразной души, и его богозданного тела. Христорборческие, вожделевающие грех люди именно поэтому и не хотят Христа. Их привязанность, их любовь ко греху всегда является своеобразным зеркалом, отражателем греха. Христос же — весь против греха, поэтому и восстают они на Него, не желая Его *слушать* и *понимать*. Грех, расплзшийся и разлившийся по их сердцу и душе, мешает им понять Христа и вникнуть в Его человеколюбие. Зараженное грехом человеческое естество ничего так не любит, как

⁴ Букв.: по своей воле, через грехи, он происходит от диавола. — *Примеч. пер.*

греховные улады. Поэтому так настойчиво оно и противится Христу. Нападая на Него, оно обороняет свои похоти, свои порочные чувства, удерживающие его во грехе.

8, 44. Христоборцы, знаете ли, откуда вы взяли и откуда ваше христоборчество? *От диавола.* Да, именно от него. Ведь он — единственный подлинный отец христоборчества; он и разжигает похотную любовь ко греху. Не думайте, что вы — оригинальные первооткрыватели всего этого, исконные и самостоятельные. Нет, вы лишь дети отца всякого греха и лукавства, то есть диавола, а прежде всего — отца самого тяжкого греха и величайшего лукавства, христоборчества. И пока наслаждаетесь вы греховными утехами, пока милуетесь со грехом и творите порождаемые им похоти, единственный ваш духовный отец — это диавол. Однако он — *человекоубийца от начала*. Ведь первым придумал он средство *убить человека*, то есть изобрел грех. Грехом *убивает* он каждого *человека*. Если ты грешишь, то диавол убивает тебя, причиняя тебе смерть, сначала духовную, а затем и физическую. Ты в этом сомневаешься? Тебе грех не кажется страшным. Но как раз в этом и состоит все лукавство греха и диавола — сделать все, чтобы их внешний облик не выглядел ужасающим. Ведь диавол именно это и делает: искусно скрывает от людских глаз свой отвратительный лик и потому более всего старается представить любой грех чем-то притягательным, любезным, желанным, маскируя его всеми способами. *Ложь* — вот в чем вся его апология греха. Ложно, превратно представить людям грех — вот к чему лукавый прилагает все свои силы. В этом он исключительно находчив: тысячи и тысячи соблазнительных личин придает он лжи — с единственной целью прельстить как можно больше людей и выставить ложь как нечто естественное и даже необходимое и приятное в человеческом мире. Сверх того, он весьма словоохотлив и велеречив, ведь когда *говорит он ложь, говорит свое*, сказуя как бы самого себя, извергая из себя свои мысли, свою суть, *ибо он лжец и отец лжи*. Все это оттого, что *нет в нем истины*, ни мельчайшей ее частички, потому что *нет в нем* Бога, Который только и есть Истина, Все-Истина. Все существо диавола пребывает вне Истины, поэтому весь он — не-истина, весь — *ложь и отец лжи*. В самом деле, диавол и падшие ангелы — это единственные существа во всем сотворенном Богом мире, которые *никогда не имеют в себе Истины*, ибо добровольно и бесповоротно отреклись они от Истины, низринулись и удалились из Нее и, таким образом, превратили себя в ложь и соделались прародителями всякого лукавства.

Отпавший от Бога диавол — это единственное существо, которое [наряду со своими ангелами, бесами] *не устояло в истине* — *ἐν τῇ ἀληθείᾳ οὐχ ἔστηκεν*, но всецело ушло из Нее, всецело низверглось из Нее, отпало от Нее и отринулось в свою бесконечную гордость, в мир бытия фиктивного, то есть, по сути дела, в небытие. В этом смысл слов Спасителя: *Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала* — *ἀνθρωποκτόνος ἦν ἀπ' ἀρχῆς* — *и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда говорит он ложь, говорит свое, ибо он лжец и отец лжи* — *ψεύστης ἐστὶ καὶ ὁ πατὴρ αὐτοῦ*.

8, 45. Почему христорборцы не веруют во Христа? Потому что Он — весь *Истина*, Все-Истина и потому что *говорит истину*. А в них нет любви к Истине. В них постоянно действует и творит свои дела ложь со всеми своими предтечами и последователями. Сколь бы ни были они диалектически разработанными и логически обоснованными, все философии и апологии греха всегда в конечном счете суть философии и апологии лжи. Но христорборцы этого не видят, потому что прошли они целую школу лжи и привыкли к ней как к атмосфере своей логики и регулятору своих мыслей. И действительно, как мышление, так и логика в них управляются ложью и грехом. Посему пребывают они вне какого-либо контакта с Истиной; они ее не ведают и не хотят знать, так как *истины нет в них*. Ведь истина познаётся Истиной; истина привлекается Истиной. Посему Спаситель и обращает к христорборцам следующие слова: *А как Я истину говорю, то не верите Мне*.

8, 46. Вот вопрос, который никто из людей никогда не мог задать себе подобным: *Кто из вас обличит Меня в неправде (во грехе)?* Поставил этот вопрос лишь безгрешный Человек, Господь Иисус Христос. А если бы Его враги приметили в Нем хоть какой-нибудь грех, то — о, как бы раструбили они об этом по всем краям земли! А прежде того они схватили бы Его, привели на суд и скомпрометировали бы Его перед всем народом. Но, не найдя в Нем ничего греховного, [они] были посрамлены и удручены глухим и коварным молчанием⁵. Будучи не в состоянии обличить Христа в каком-либо худом деле, они неустанно пытались уловить Его в слове, подыскиваясь под Него и выслеживая в Нем всё; в этом заключался их главный труд. Указанный вопрос — [это] доказательство безгрешности Христа и всегреховности

⁵ Букв.: молчали глухо и коварно, как в рот воды набрали. — *Примеч. пер.*

прочих человеков. Впрочем, хотя этим вопросом и поставлены они в такое положение, что должны открыто признать отсутствие во Христе какого-либо греха, то есть безгрешность Иисуса, однако — в силу своей всеподавляющей греховности — они все-таки не хотят *веровать в Него*. Поэтому немедленно после сего Господь справедливо задает новый вопрос: *Если же Я говорю истину, почему вы не верите Мне?* Не потому ли, что вы — сознательные и добровольные рабы лжи. Ведь только бесы видят *истину* Божию и тем не менее упорствуют в своей лжи и беззастенчиво ее защищают. *Не верите Мне*, потому что растратили вы всю свою душу на веру в ложь.

8, 47. Всей своей душой христорборцы рождаются от диавола. Это засвидетельствованный евангельский реализм. Сие рождение лишает богообразную человеческую душу ее родства с Богом, так что она уже *не от Бога*, не от Божией Истины; оно похищает у нее богосыновство, а тем самым и живое чувство Бога и богопознание. И человек начинает ощущать, что не имеет с Богом ничего связующего, что он — как бы *не от Бога* даже по самому творению; чувствует он, что Бог будто бы ему и не нужен, и, наконец, что как бы и нет Бога. Да, подобные люди утверждают: мы *не от Бога* — потому, дескать, что Бога нет; мы произошли от природы, от животных, от растений, от трав, но только *не от Бога*. Естественно, такие люди не видят, не хотят видеть, а потому и не могут видеть Бога даже в Боге воплотившемся, то есть в Иисусе Христе. Отвергают они и Его истину, и Его Евангелие, ибо не желают ни Бога, ни чего-либо Божиего. Ничего не осталось в них от Бога, то есть они *не от Бога*, потому что сами хотят быть без Бога и сами же довели себя до такого состояния, сами всецело себя обезбожили и в познании, и в чувстве; не познают они Бога ни умом, ни сердцем и не отверзают Ему двери чувств. Поэтому Спаситель ко всем христорборцам всех времен обращает следующие слова: *Кто от Бога, тот слушает слова Божии, Вы потому не слушаете, что вы не от Бога*.

8, 48–50. Христорборцы в своем безумии пытаются защищаться; они отвечают Иисусу: *Не правду ли мы говорим, что бес в Тебе?* Но если в Нем бес, то почему не укажете на Его грехи; ведь перед этим Он прямо поставил вам вопрос: *Кто из вас обличит Меня в неправде (во грехе)?* Ибо бес живет грехами; и если Иисус его имеет, то это пребывание беса в Иисусе должно обязательно проявиться в Его многочисленных грехах. Значит, вы намеренно на Него клеветаете. Поэтому Спаситель спокойно им возражает: *Во Мне беса нет; но Я чтю Отца Моего, а вы*

бесчестите Меня. Да, Спаситель, будучи безгрешным, невозмутимо отвечает на явную клевету, потому что *не ищет славы* от людей. Он знает их: они влюблены в грехи, они только и делают, что хулят и бесчестят Бога и все Божие. Но Иисус как раз и пришел для того, чтобы спасти их от греха, от этого творца всех богохульств в человеческой душе. Что же касается *суда* над людьми, то на *суд* Он придет позже, значительно позже, когда люди добровольно примут или же отвергнут те средства спасения от греха, которые предлагает им Богочеловек.

8, 51. Что такое грех? Явная малая *смерть*. Ибо *смерть* таится в каждом грехе; и если человек его совершает, то она тотчас через жало греха вливается в этого человека, наполняя все его существо. Ведь *сделанный грех рождает смерть* (Иак. 1, 15): немедленно рождает ее в душе, тут же умерщвляя одну часть души в человеке. Богочеловек же пришел, чтобы дать людям средство, всепобеждающее средство от *смерти*, от греха. Такое средство — Он Сам, Его Евангелие. Каждая евангельская добродетель — это врачевство от греха и *смерти*. И если человек ее совершит, то он уже убил в себе один грех, одну смерть и оживил одну часть своей души. Через совершение же всех евангельских добродетелей он умерщвляет в себе все роды смерти и все грехи и воскрешает свою душу из мертвых, наполняя ее вечной жизнью. Таким образом, во время жизни на земле Христов подвижник переходит *из смерти в жизнь*, из всех *смертей* — в жизнь вечную. Об этом свидетельствуют нам слова Спасителя: *Истинно, истинно говорю вам: кто соблюдет слово Мое, тот не увидит смерти вовек* — *εἰς τὸν αἰῶνα* (никогда).

8, 52–53. Эти слова Спасителя настолько непонятны для пораженной грехом души христорборцев, что у них немедленно рождается такой ответ: *Теперь узнали мы, что бес в Тебе. Авраам умер и пророки, а Ты говоришь: кто соблюдет слово Мое, тот не вкусит смерти вовек. Неужели Ты больше отца нашего Авраама, который умер? и пророки умерли: чем Ты Себя делаешь?* Так отвечает сознание, полностью срастившееся с грехом, с одного края до другого заполнившее себя смертью, неустанно действующей через смертоносные помыслы и чувства. А к тому же [и] смерть защищает себя как нечто самое естественное в человеческой природе, приводя в пример и *Авраама, и пророков*.

8, 54–55. Но именно в том и состоит слава Богочеловека, единственная истинная слава на земном поприще смерти, что чудесным образом явил Он и удостоверил, что смерть ни в каком отношении не есть для человека нечто естественное; напротив, она абсолютно неестественна

и составляет главное бесчестие для человеческого естества. Люди, пока они слепо рабствуют смерти и — как следствие этого — являются стойкими приверженцами и поборниками идеи «смерть — необходимость в человеческом роде», чествуют свое величайшее бесчестье, свое самое позорное рабство и не знают — конечно же, не знают, что единственная слава человеческого рода — это бессмертие человеческого существа. Посему не ведают они и того, что главная, единственно вечная и всеистинная путеводная идея человека и вообще всего человечества, освещающая ему путь в ночи и полуночи, во мраке, в помрачении и во всякого рода смерти на этой планете, гласит: бессмертие — вот необходимость для человеческого естества, и причем то бессмертие, которое дает и уготовляет только Богочеловек. Только в этом истинная *слава человека*. Ибо связует она его бытие с Источником *славы* Божественной и бессмертной, с Троичным Божеством. Вся Истина, вся Правда, вся Любовь, все Божественные совершенства, необходимые для жизни людей на земле, для человеческого бессмертия и его бессмертной, божественной *славы*, — пребывают в Святой Троице. Один из Святой Троицы, Бог Слово, для того и стал человеком, чтобы передать все это нам чисто по-человечески, по-людски. Ведь в течение всей Своей жизни на земле Он только это и делал; то же самое делает Он и по Своем вознесении: через Свою Церковь и из Своей Церкви. Христоробцы же требуют от Богочеловека, чтобы Он как раз от всего этого и отрекся. Но если бы Он от этого отрекся, то отказался бы от Самого Себя, перестал бы быть Богочеловеком, а значит и Спасителем людей от греха и смерти, и стал бы обычным человеком, будь то и самым великим мудрецом, величайшим философом или просто лучшим из людей. Но Богочеловечество, вечное Богочеловечество — это именно то, от чего Иисус не может и не желает отречься. Посему и отвечает Он христоробцам, что делают они всё это оттого, что не ведают истинного Бога: *И вы не poznали Его, а Я знаю Его; и если скажу, что не знаю Его, то буду подобный вам лжецу. Но Я знаю Его и соблюдаю слово Его.*

8, 56–58. То, что принес Я миру, желали видеть и иметь все святые праведники Ветхого Завета во главе с праведным Авраамом. И того, чего вы из-за вашей упорной привязанности ко греху не хотите во Мне видеть, то есть всех вечных Божественных совершенств, которые принес Я человеческому естеству и воплотил в нем, — это самое из мира оного видит своей бессмертной душой Авраам, ведь его радость и чаяния исполнились: *Авраам, отец ваш, рад был увидеть день Мой;*

и увидел и возрадовался. День Мой — это время Моего воплощения, вочеловечения и жизни среди людей ради их спасения. Всего этого ослепленные приятным им грехом христорборцы не видят, да и намеренно не хотят видеть, а потому и протестуют: *Тебе нет еще пятидесяти лет, — и Ты видел Авраама?* А если бы захотели они рассмотреть Иисуса в свете Его безгрешности, которую незадолго до того молча признали, то увидели бы, что Иисус старше любого человека в людском роде, потому что Он старше самого времени грехопадения, ибо как Бог Он — прежде всякого времени. И если бы лишь попытались они быть последовательными в своей подверженной греху логике, то признали бы, что безгрешен лишь Бог; а значит, Иисус есть, несомненно, Бог. И как Бог Он старше Авраама. Посему Господь и отвечает им, открывая эту Свою Божественную вечность: *Истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь.*

8, 59. Единственный ответ на эту Божественную истину, каким располагают христорборцы, — это *взять камень*, чтобы побить Иисуса. Святой евангелист повествует: *Тогда взяли камень, чтобы бросить на Него; но Иисус скрылся и вышел из храма, пройдя посреди них, и пошел далее.* Таким образом, Он представляет им еще одно доказательство Своего Божества: *скрывается* необычным образом; хотя Он и человек с реальным, видимым и осязаемым телом, однако *проходит посреди них*; они как бы, видя Его, не видят и не бросают на Него камне-ньюв. Почему? Потому что еще не пришел час Его страданий и крестной смерти. Когда же наступит онный час, тогда Господь Сам выйдет к тем, которые пришли наложить на Него руки, и скажет им: *Аз есмь.* Итак, во всем, что делает Господь Иисус Христос, от начала до конца осуществляется единый промыслительный предвечный совет (замысел) о спасении человеческого рода. Спаситель исполняет его последовательно и совершенно. И воспрепятствовать Ему в этом не в состоянии никто: ни люди, ни демоны и вообще ничто вещественное.

Глава 9

Христос исцеляет слепого от рождения (9, 1–41)

9, 1–3. Как смерть, так и болезнь вошли в человека через грех. Да и нет других дверей, коими могли бы они войти в людской род. И смерть, и болезнь суть нечто наследственное в человечестве, как

и вообще человеческое естество, естество Адама. Наследуя это человеческое естество, люди вместе с ним наследуют греховность, смертность и болезненность. Впрочем, это не значит, что любая болезнь есть непосредственный результат личных грехов того или иного человека. Причина многих болезней не кроется ни в одном из обозримых предков; она где-то там, в глубинах человеческой природы. Об этом свидетельствует нам Сам Спаситель, когда на вопрос учеников о причине слепоты отвечает: *Не согрешил ни он, ни родители его*. Какой же тогда смысл имеют болезни вообще и, в частности, болезнь этого слепорожденного? *Это для того, чтобы на нем явились дела Божии*. [Каковы суть] *дела Божии*? Это исцеление от болезни, избавление от смерти, освобождение от греха. Для слепорожденного — как и вообще для любого рожденного во грехе, а таковы все люди — все это суть *дела Божии*, тогда как все удерживающее его в болезни, во грехе, в смерти — не суть *дела Божии*, а дела либо человеческие, либо демонские.

9, 4. В людском же роде, очевидно, лишь дела Христовы — во всём суть *дела Божии*, ибо Он — Бог, Богочеловек. Во всех же делах человеческих присутствует греховность, пусть даже как тень, а не как грузная, массивная сущность и неустранимая реальность. Другими словами, греховность — это бесконечная ночь, в которую забрело человечество. И лишь принесенное Богочеловеком спасение от греха явилось своего рода зарей, рассветом, начатком дня в этой мрачной ночи. Богочеловек — это и есть *день* для человеческого рода, Солнце безгрешности и бессмертия. Он — и заря, и полдень, то есть день непрекращающийся, невечерний. Любое неприятие Богочеловека в человеческом мире, любое Его отвержение — это и есть, собственно, помрачение человеческого рода, да и всего человеческого вообще, а прежде всего — совести и души. Это помрачение есть в то же время и ослепление: человеческая совесть лишается зрения, так что не видит ни во Христе Бога и Спасителя, ни в делах Его *дел Божиих*. И тогда *приходит ночь, когда никто не может делать* ничего божественного, бессмертного и вечного; один только грех, пользуясь мраком, вершит свои дела, порождая лишь всё греховное, смертное, тленное. *Дела же Божии* являются на человеке (*чтобы на нем явились дела Божии*), как только зародятся в его душе вера, любовь, молитва, пост и все остальные евангельские добродетели. Все они сами по себе суть *дела Божии*; сверх того, они привлекают Божественные созидательные силы, вселяющие в человека готовность к подвигу и крепость его понести, так

что и он уже способен совершать *дела Божии*. Итак, *дела Божии* — это дела евангельские. Все они исходят от Бога и проводят к Богу. Все они — от Христа и ведут ко Христу. Все они освещают человеку путь от земли до небес, из смерти в бессмертие, из небытия во всесовершенное бытие. Светом добродетелей преизобилует *день* Христов: этот свет источает Солнце правды.

Пока эти дела присутствуют в человеке, в нем — и *день* Христов, и свет Христов. Но если человек увязнет в любви ко греху, то погружается в ночь.

9, 5. Это особенно относится к христорочеству, к этому страшному помрачению. *Доколе Я в міре, Я свет міру — φῶς εἰμι τοῦ κόσμου*. Это касается и отдельного индивидуума, и всего людского рода: пока Богочеловек в міре, весь мір озарен Божественным *светом*, весь пребывает и живет в сиянии дня; перед ним открыты все пути, ведущие как каждого отдельного человека, так весь вообще мір через Истину и Правду в бессмертие и вечную жизнь. Таким образом, *доколе* Богочеловек пребывает в человеческом *міре* — весь мір погружен в Его Божественный *свет* и может шествовать Божественными путями, а не путями греха, смерти и диавола. Если же люди по своему пристрастию ко греху возлюбят более тьму, нежели свет, то восстают на всё Христово. Точно так же происходит это и в человеческой душе: пока удерживает она Христа и Его святое Евангелие, в ней царствует свет, безоблачный день Христов; зарождение же греха есть своего рода появление облаков, каждый грех приносит по облачку. И если человек возлюбит грехи и начнет жить в них, то постепенно небо затягивается и наступает мрак, пока черные тучи не воцарят ночь и не изгонят из души Христов *день*, Христов свет. И тогда человек уже не видит, но, точно слепой, ходит наощупь. По существу, внутри себя он рождает слепую душу; он — слепорожденный. Тогда и очи души ему не помогают, как не приносят пользы человеку телесные глаза, если нет света.

9, 6–7. Даже *брение* в руках Христовых делается целебным средством, излечивающим слепоту. Поистине светит Христос и через то, что обычно сгущает мрак: поистине Он есть свет міру — свет, сияющий и через глину! Глина обретает способность переносить Божественный свет! Не напоминает ли нам это о сотворении человека: в брение человеческой плоти Господь вдохнул Свой солнечный и светлый образ. *И свет во тьме светит, и тьма не объяла его* (Ин. 1, 5). Брение испускает свет, блистая логосным светом как при сотворении человека,

так и при исцелении слепорожденного. И то и другое — во свидетельство им: если Слово светит из брения и через брение, то тем более — из богоподобной души. Лишь послушание Слову — излечивает: в первую очередь от духовной слепоты. Тогда человек и в брении зрит логосную силу, так что [даже] сгусток глины источает из себя Божественный свет. И чувствует человек и видит, как из совокупного космического брения источается и светит логосный, смысл творения. Ощутил это и слепорожденный и, будучи послушен Господу Иисусу Христу, исцелился: *Пошел и умылся, и пришел зрячим*. Не изумлялся он и не спрашивал Спасителя: что это Ты делаешь? Неужто брением мажешь мои глаза? Куда Ты меня посылаешь? Напротив, он послушно делает то, что говорит ему Христос. Да, в этом — условие любого чуда, не исключая и того первого, в Кане Галилейской: *Что скажет Он вам, то сделайте* (Ин. 2, 5).

9, 8–23. И вот началось расследование, вот своего рода первая инквизиция: фарисеи никак не хотят признать *дело Божие* в исцелении слепорожденного. Хотя и видят они чудо, но отрицают его Божественное происхождение. Смущает их самый способ его совершения. *Как открылись у тебя глаза?* Не желают они признавать чуда, но не могут объяснить и иначе, как слепорожденный начал видеть. Цепляются они и за субботу: *Не от Бога Этот Человек, потому что не хранит субботы*. Идут на все, чтобы только не признать *дело Божие* в мире и еще присутствия Самого Бога в мире. Легко признали бы они *дела Божии* в мире, если бы удостоверились в Божием присутствии на земле, а особенно — в присутствии воплощенного Бога. А иначе одно без другого нельзя ни объяснить, ни признать. Тогда не лучше ли отрицать и самое дело? Да, фарисеи *не поверили, что он был слеп и прозрел, доколе не призвали родителей сего прозревшего*. ... Инквизиция над родителями. Самым искусным образом организованное, спланированное христорбчество. В действие введена вся диалектика зла: *Как же он теперь видит?* — Да, *видит*, но как прозрел — *не знаем*. И вообще, это тайна, как человек видит. Особенно когда речь идет о слепорожденном. Не знаем мы даже того, как видят имеющие глаза; как же знать нам это о слепых от рождения?

9, 24–34. В своем розыске фарисеи прибегают к лжи; ложь — это вообще соль христорбческой инквизиции: *Мы знаем, что Человек Тот грешник*. Какие тому представлены доказательства? Никаких. Опровержения же представляет сам прозревший: *Грешников Бог*

не слушает, даже в малом, а тем более — в столь величайшем чуде, ибо *от века не слыхано, чтобы кто отверз очи слепорожденному*; но раз Он это сделал, то, следовательно, Он — великий Божий праведник, потому что *кто чтит Бога и творит волю Его, того Бог слушает*. Это дело, несомненно, от Бога и Сам Он — от Бога: *Если бы Он не был от Бога, не мог бы творить ничего*. Как поступили инквизиторы, услышав такой ответ? — *Выгнали его вон*.

9, 35–39. Вот кому Спаситель открывает Божественную тайну Своей Личности: прозревшему. Здесь и реальность, и символичность. Прозревает тот, кто распознаёт во Христе Сына Божия, кто защищает Его Божественное происхождение и Божественный характер Его дел. За это малое даруется все; уверовавшему в малое Спаситель открывает всю Свою тайну: *Иисус <...> найдя его, сказал ему: ты веруешь ли в Сына Божия? Он отвечал и сказал: а кто Он, Господи, чтобы мне веровать в Него? Иисус сказал ему: и видел ты Его, и Он говорит с тобою* через Евангелие, через свет, через воздух, через зеленый листочек, через всякую тварь и все творение в целом, через научение, через Свое Боговоплощение, через человеческое тело, через богоподобную человеческую душу. Слепорожденный поистине прозрел как бы дважды: и телесно, и духовно; телесно — когда Спаситель отверз ему телесные очи, а духовно — когда он уверовал в Иисуса как Сына Божия: *Верую, Господи! И поклонился Ему*. Еще одну истину открыл нам Спаситель: Он показал, кто суть в роде человеческом прозревшие, а кто слепые. Прозревшие — это *верующие* во Христа как Сына Божия, а слепые — неверующие. Дабы люди через веру прозрели, Спаситель представил им несметное число Божественных, Богочеловеческих фактов, дел, свидетельств, доказательств. Но если и после всего этого люди не хотят веровать в Него как в Сына Божия, то поистине делают они слепыми, утрачивают духовное зрение — и сами осуждают себя на вечные мучения. А что такое вечные мучения для человеческого существа, если не жизнь без Бога и против Бога? Признающий, что собственными человеческими силами, из-за греховой немощи, не видит он смысла мира и людского бытия и не может спасти себя от греха и смерти, и исповедующий, что он и в самом деле не видит, относится к *невидящим*, которым Спаситель за это их смирение дарует духовное зрение, веру и любовь. И тогда они прозревают и начинают видеть, что Он — Спаситель — изобильно подает им все потребное ко спасению. А надменно заявляющие, что видят они и знают — и без

Бога, и без Христа — смысл и міра, и человеческого бытия и могут без Христа освободиться от всех зол, грехов и смертей, и в отриновении Его презирующие и собственную душу, и весь мір вообще — сии делаются духовными слепцами, помрачают зрение и, таким образом, ничего не видят: ни так, как надлежит видеть, ни того, что подобает видеть. Этим путем высокопарного ослепления и омрачения разумного зрения шествуют все филантропы, все антропоцентристы и в философии, и в науке, и в искусстве, и в религии. Путь же этот вовлекает в бездну смерти... По этому пути идут и все фарисеи всех времен, считающие, что и без Богочеловека они знают все и имеют все, что нужно для людей: таковы суть закоренелые гуманисты и человекопоклонники, то есть идолопоклонники. Это — идолослужители в высшей степени прельщения: наперекор Богу они обожают человека или человечество, заменяя Бога человеком: либо человеческим разумом, либо человеческими чувствами, либо человеческой культурой, либо техникой, либо цивилизацией, либо искусством. Это наиболее живучее идолопоклонство в истории человеческого рода и потому — самый тяжкий людской грех. Ведь, совершая его, человек постоянно заменяет собою Бога, вытесняя Бога, отстраняя Бога, убивая Бога. В этом вся суть самого черного и самого проклятого язычества.

Глава 10

Христос — добрый пастырь (10, 1–22)

10, 1–4. Идолопоклонство похищает человеческие души у Бога и порабощает их не-богу, анти-богу. Никто, кроме Богочеловека, не знает *путь* в человеческие души. Ибо Он — Творец богообразного человеческого существа и всех его тайн. Каждый, кто хочет войти в тайну человеческого существа, минуя Бога и без Бога, есть *вор и разбойник*, κλέπτης ἐστὶν καὶ ληστὴς. Род же человеческий — это *двор овчий*; и в этот двор ведет лишь одна *дверь*: Бог, Слово, Богочеловек. Кто бы ни пытался войти в этот двор *инуде* (в другом месте — ἀλλαχόθεν), он — *вор и разбойник*. Именно так желают проникнуть в этот двор все нехристиане, все антихристиане, все безбожники = гуманисты и человекопоклонники. К человеку же и к человеческому роду в целом можно приступить лишь Богом. Точно так же и человек, и весь людской род могут познаваться только Богом: *Входящий дверью есть пастырь овцам*. Это

понятие имеет свой узкий и широкий смысл: в широком смысле это относится ко всему человечеству, в узком же — к отдельному человеку и его душе: все чувства, все мысли, все хотения человека суть двор овчий; в них — в их тайну, в то, что взаимно их связует и делает одним стадом, — можно входить лишь Богом Словом. Придверник и того, и другого двора — это или Слово, или богоподобная душа. *Пастырь овец* и в том и в другом случае — это Богочеловек и все носящие в себе Христа. Все логосное, богоподобное в людях знает *голос Его, слушается голоса Его* и оказывает Ему послушание. Он до самой сущности знает *Своих овец*, ведая в людях все логосное и обращенное к Богу, и призывает их к Себе, так что они составляют Его Божественное стадо. Он же идет впереди овец: и мыслями, и чувствами, и делами, *а овцы за Ним идут, потому что знают голос Его*. Какая только добрая человеческая мысль не идет за Христом? Какое доброе человеческое чувство, благое намерение и доброе слово не шествуют за Ним послушно, как за своим Божественным Пастырем, ведущим их на пажити божественного бессмертия и вечности? И что вообще такое в человеке, что не распознаёт в Богочеловеке Христе своего Творца, Бога и Спасителя?

10, 5–6. *За чужим же не идут, но бегут от него, потому что не знают чужого голоса. Чужой* — кто это такой? Прежде всего диавол, затем зло, грех, смерть = все диавольское, все отчуждающее от Бога, и еще все чуждое богообразному и богозданному человеческому естеству. За этим чужим не желает идти ничто божественное, богоподобное, боголюбивое в человеке и в людях вообще. Однако из-за своей привязанности ко греху люди утратили правильное понятие о своем и о чужом: они не знают, чьи они, кому принадлежат и кто для них свой. Рассматривая самих себя, плененных грехами, они часто полагают, что Бог для них не свой, а чужой; своим же считают они того, с кем сблизились и сроднились, валяясь в греховных сластях. Настолько извратилась человеческая природа: Бог — свой для них по их богообразной душе, их род стал для них чужим; а диавол, не имеющий с ними в их богозданном естестве никакого свойства или родства, но весь им чуждый, соделался для них — через сластолюбие — своим, настолько своим, что часто является их духовным отцом.

10, 7–8. Богочеловек возвестил людям Евангелие с целью открыть им всю истину о Боге и о них самих: кто для них Бог и кто они для Бога. И вот теперь Он об этом свидетельствует: *Я дверь овцам: Я* = Богочеловек Иисус Христос; все, что во Мне и от Меня, приводит

людей — этих заблудших Божиих *овец* — к Богу, на Божию пажить. Кто не приступает к людям через Меня, тот не знает пути в человеческие души и не может даже знать, где его искать. Более того, вот вторая половина истины о так называемых вождах и гегемонах человечества: *Все, сколько их ни приходило предо Мною, суть воры и разбойники; но овцы не послушали их*. И не только *предо Мною*, но и без Меня, где бы то ни было и когда бы то ни было. И лишь носящие в себе Христа не сопричисляются к ворам и разбойникам в человеческом роде. Обратите внимание: Спаситель называет *ворами и разбойниками* лишь самозванных вождей человечества, то есть тех, которые хотят заменить людям Бога и Его руководство некоей судьбой [или идеей. — *Вставка пер.*], якобы для человеческого рода предопределенной. К таким относятся все самозванные правители, великие и малые, стремящиеся вести человеческий род по жизни и истории без Христа: Бога Слова и Богочеловека. — Никогда ни один человек не говорил так смело о вождах человечества. На чем же основывается такая решимость Иисуса? На истине. На том, что Он как Вождь, как *Пастырь добрый* принес человеческому роду, равно как и на том, что принес ли ему и причинили *воры и разбойники*. Он принес спасение, а они — уничтожение; Он принес вечную жизнь, а они — вечную смерть; Он принес все Божественные совершенства, а они ввергли людей в бездну демонического лукавства. Вот откуда эти смелые и уникальные в своей истинности слова Богочеловека.

10, 9. *Я есмь дверь; кто войдет Мною, тот спасется — σωθήσεται, и войдет, и выйдет, и пажить найдет.* Значит, Богочеловек для человеческого рода — это и врата в бессмертие, и само бессмертие, и пища бессмертия. Ибо Он — Спаситель: Он спасает от греха, смерти и дьявола, и причем [спасает] Своим Богочеловеческим Лицом (Личностью), посему и во главе этих Его слов стоит: *Я есмь дверь*. Все человеческое, что не войдет в Него, пребывает во грехе и смерти, постоянно умирая в беззакониях и низвергаясь в вечное царство зла и греха, в ад. Вне Богочеловека нет врат бессмертия для людского существа; человек спасается только Им. Да, только Им: всем тем, что Он есть и что Его, то есть Святым Евангелием, Церковью. В них заключены все силы и все средства, которыми люди побеждают грех, смерть и дьявола. А Он всегда во всем этом [присутствует] всей полнотой Своей Богочеловеческой Личности. До явления Богочеловека на земле этот наш земной мир был своеобразной темницей смерти без дверей; Он — первая *дверь*

из этой темницы в бессмертие. Все спасение обусловлено и как бы ограждено Им, Его Богочеловеческим Лицом (Личностью): *Кто войдет Мною — δι' ἐμοῦ, тот спасется*. Всегда и во всем — Богочеловек. Спасение δι' ἐμοῦ, Мною, Спасителем. В подвиге спасения содержится и подлинная безграничная свобода человека: *и войдет, и выйдет, и пажить найдет*. Через спасение от греха, смерти и диавола возрастает бессмертная и бескрайняя свобода. Ведь грех — это и есть те оковы, узы, которыми человеческое естество порабощается злу, смерти и диаволу. При всем этом [сочетавшаяся со Христом. — *Вставка пер.*] человеческая личность остается нетронутой и *растет возрастом Божиим — в мужа совершенного, в меру полного возраста Христова* (Кол. 2, 19; Еф. 4, 13), ибо нет уже ни греха, ни смерти, налагавших на нее узы, ограничивавших ее, сковывавших и сужавших. *И пажить найдет*: найдет все то, чем насыщается богоподобная человеческая душа и все его существо, жаждущее Бога; найдет все, что служит бессмертной пищей для бессмертного человеческого существа. Что такое эта *пажить*? Вечная Божественная Истина, и Правда, и Любовь, и Благодать, и Премудрость, и Милость и все прочие Божественные совершенства; а на земле это — Евангелие = Церковь: Святые Таинства, святы Божественные силы и святы добродетели. Это *пажить*, которая всегда в неиссякаемом изобилии подается в Богочеловеке, в Церкви, в Евангелии. Поэтому Богочеловек — единственный истинный Вождь людского рода, Вождь, выводящий людей из смерти и вводящий в бессмертие. Отсюда следует, что лишь Спаситель может быть Вождем. А также все прочие Христоносцы. Все они возводят людей в бессмертие и вечную жизнь.

10, 10. В чем различие между Спасителем как Вождем и всеми остальными вождями человеческого рода? Все эти остальные суть *воры и разбойники*; а *вор приходит только для того, чтобы украсть, убить и погубить*, тогда как Спаситель *пришел для того, чтобы имели жизнь и имели с избытком — καὶ περισσὸν ἔχωσιν*. Воры своими учениями, ложными науками и культурами убивают в людях все бессмертное, похищают у них все божественное и вечное (*похищают посеянное в сердцах* — Мф. 13, 19) и погубляют в них все тяготеющее к бессмертию⁶. Как они это делают? Собственными грехами и порочными учениями они одобряют грехи и вообще не признают грех как

⁶ Букв.: все, что долговременнее смерти. — *Примеч. пер.*

таковой. А ведь грех — это главный убийца человека: он убивает в человеке душу и ввергает ее в преисподнюю, а вместе с душой убивает и тело, осуждая и то и другое на вечные муки в аду (Мф. 10, 28). И лишь Бог дарует людям жизнь с избытком, то есть жизнь вечную, которую никакая смерть, никакой грех, никакой вор и разбойник не могут ни украсть, ни убить, ни погубить.

10, 11. Кто же тогда в прямом смысле слова благодетель человечества? Лишь Богочеловек, ибо Он спасает человека от всякой смерти и дарует ему вечную жизнь; это — вечное благо, которое никакой вор украсть не способен. Посему только Спаситель и имел право дерзновенно засвидетельствовать: *Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь Свою (душу Свою) за овец; пастырь добрый* путеводствует людей на пажити бессмертия, а люди — это и есть те *овцы* бессмертия, которых терзают, грабят и закаляют волки смерти (то есть грехи и страсти). *Добрый пастырь* рода человеческого — это поистине Тот, Кто спасает людей от смерти, уготовляя и подавая им единственное истинное благо: вечную жизнь. А с Ним и в Нем [даруется им] бессмертие души и личности в целом. *Полагает душу Свою за овец.* И действительно, *Добрый Пастырь положил ее за овец*: пожертвовал ею на кресте, вошел в пасть и в утробу смерти, чтобы Своей Богочеловеческой смертью, то есть Своей Божественной ипостасной силой, поправить смерть. А во всем этом и из всего этого струится и светит только одно: бесконечное Христово человеколюбие и Его неописуемая Божественная любовь. Это то, чем Богочеловек руководствует людей, то есть любовью приобретает Он их для вечной жизни и переводит из смерти в жизнь. В этом и состоит истинная благодать (доброта) *Доброго Пастыря*: все совершать любовью, по любви, но никак не силой, не грехом, не смертью.

10, 12–13. Кто такой *наемник*? Во-первых, *овцы* для него *не свои*: [равно как и] для них он не Творец, не Промыслитель и не Спаситель, а посему и не пастырь овцам, то есть людям; не ведет он их на пажить бессмертия и не имеет такой пажити. Второе — то, что *наемник* в случае опасности оставляет овец и убегает: *Видит приходящего волка, и оставляет овец, и бежит.* А волк — это любой грех, любая смерть, любое лжеучение, любой завуалированный или открыто выставляемый порок, какая бы то ни было страсть, то есть все то, что не направляет и не приводит ко Христу, а, напротив, уводит от Него или же восстает против Него; все это разрушает человеческий род, распугивая

и рассеивая его и ввергая в ад смерти; *и волк расхищает овец, и разгоняет их*. Наемник — потому наемник, что *нерадит об овцах*. О ком же тогда заботится? Только о себе. Волк — это каждый самоугодник, каждый себялюбиец. Ибо ничто и никто не может привести человека в состояние одичания и волчьей ненависти, как самолюбие, как жизнь только для одного себя. Знаешь ли, кто опустошает человеческое существо, превращая его в пустыню? Самолюбие, эгоизм. Если не приходилось тебе видеть волка, то посмотри на человека, зараженного самолюбием; это самый кровожадный и свирепый волк. Самолюбцы же суть все те, кто не ведет ни себя, ни других ко Христову Евангелию. Но одно точно: как самих себя, так и своих приверженцев они всегда приводят к смерти, к рабству греху, неправде, лжи. А через все это — к порабощению смертью.

10, 14–15. *Пастырь добрый* всем Своим существом, всей Своей Истиной, Правдой, Любовью, Божеством открыт для всех, всем известен; через все это Его и узнают, и знают. Он не мистифицирует Себя, не скрывает Себя ни от кого: среди всех и со всеми обитает Он полнотой Своего Божества. Его последователи, воплотив в себе Его Евангелие, сделались для Него своими, духовно с Ним сроднившись в подвиге святых добродетелей. Он знает их как Своих, ибо они живут всем тем, что Его и от Него. Ведая то, что от Него, они знают и Его Самого: живя Его Благодатью, Истиной, Любовью, Правдой, они познали Его, узрев в Нем Бога и Спасителя, ибо только Бог может иметь и подавать людям такую Божественную Истину, такую Божественную Правду, и Любовь, и Благодать. Каждое из этих Божественных совершенств, если человек его опытно воспринимает, преобразуется в нем в своего рода духовный орган чувств, которым возлюбивший Христа подвижник познаёт Христа как Бога и Спасителя. *Пастырь добрый* тем добр, что всегда, во всех опасностях и во все времена *полагает жизнь свою за овец*; Он Сам — вместо овец и пребывая в Своих овцах⁷ — борется со всеми нападающими на них волками. В том Его победа, что Он — Всепобеждающий Спаситель и Бог — Сам из них самих сражается со всеми их врагами, имеющими волчий облик: со смертью, с грехом, с диаволом, со всяким злом. *Все сие преодолеваем силою Возлюбившего нас* (Рим. 8, 37). *Пастырь добрый* вечен, вечна и Его доброта, вечна

⁷ Букв.: вместо овец и из овец. — Примеч. пер.

и Его любовь, поэтому вечна и Его победа. И лишь приемля помощь от вечной Божественной Доброты (Благости), можно стать настоящим пастырем, подлинным вождем людей и наставлять их на стези Истины. Любое другое средство превращает вождя в наемника, которому люди не свои, равно как и сам он для людей не свой. Такими добрыми пастырями, такими истинными вождями человечества являются святые: они сами живут вечной Божественной Христовой благодатью и ею властвуют над людьми, ею путеводствуют их из смерти в бессмертие и вечную Жизнь. Поэтому сие Евангелие — это по преимуществу их Евангелие; поэтому и читается оно во дни их праздников.

10, 16. Все люди по своему логосному происхождению суть овцы Богочеловека Христа. Правда, многие из них заблудились во грехе, во лжи, в смерти, в язычестве, в безбожии, в богоборчестве. Бог Слово для того и стал человеком, чтобы как человек разыскать всех заблудших овец, возвратить их из греха и смерти в Свою ограду бессмертия и евангельской жизни. Таким образом Он восстановил то первоначальное положение, имевшее место прежде грехопадения и смерти: одно стадо и один Пастырь. А без Него — много стад и много наемников, ведь подчас и какая-либо из овец собирает вокруг себя собственное стадо. Овцы же Его — здесь, на земле; и Ему надлежит всех их через посредство Евангелия собрать в одно стадо, в Свое стадо, для которого Он будет Единым Пастырем. Отчасти это уже осуществлено в Церкви: в ней все члены Церкви связаны, они срослись в одно Тело — в Богочеловеческое Тело, под единой Главой, под Богочеловеком. Что же тогда способно разделять, разлучать, разгонять людей? Грех. Он разрушил человеческую природу, которая прежде грехопадения была единой, единой во всех людях. К этому единству она вновь возвращается в Богочеловеческом, Христовом Телѣ, в Церкви. Здесь каждый ее член чувствует себя единым со всеми остальными членами, здесь ощущается [это] единство излеченной от греха, исцеленной человеческой природы. Каждый присутствует во всех и все в каждом — благодаря единой всеживотворящей Богочеловеческой силе, которая и соблюдает в живом всеединстве весь организм Церкви. В Церкви, по сути дела, совершается воссоединение человеческого естества, единого чувства и самосознания всей людской природы, так что каждый искренний член Церкви живо ощущает себя всеми и всех — самым собой, всех считает он как бы собой, а себя — как бы всеми.

10, 17. Весь подвиг Богочеловека зиждется на бесконечном человеколюбии. Посему все Ему присущее — бесконечно близко и любезно для человеческого существа. Посему все это может познаваться только любовью. Поистине Он — Единый Человеколюбец. Отчего мы так считаем? Оттого, что по Своей безмерной любви Он снисшел до человечества, соделался человеком, уничтожил Собою в человеке грех, смерть и диавола и таким образом спас человеческий род от этих самых лютых и непобедимых врагов. Все это Богочеловек совершил по любви к людям, дабы пробудить в людях любовь к Богу. Да, только для этого, то есть чтобы на Его любовь и они ответили своей любовью. Здесь нет ничего принудительного, насильственного, механического, автоматического. Человеколюбие Богочеловека настолько сопряжено с самопожертвованием, настолько непостижимо и безмерно, что Бог Отец определяет им Свое отношение к Сыну. Сын полагает душу Свою, принимая смерть за человеческий род в целом и за каждого человека в отдельности. Он *отдает жизнь*, то есть полагает Свою душу вплоть до смерти, дабы, разрушив ею смерть, вновь ее принять, то есть возратить душу к Себе. Он настолько соединился с каждым человеческим существом, настолько проник в самые глубины человеческой природы, что весь вошел в ее смерть, в ее ад, дабы тем самым извлечь ее из ада и спасти от греха, смерти и диавола. Он входит в каждую нашу смерть, в каждый наш ад, чтобы вывести нас оттуда; Ты еси Бог, сошедый во ад, — дабы вывести нас вместе со Своей Богочеловеческой душой, которую никакая смерть не может ни удерживать, ни поработить и никакой ад ни соблазнить, ни демонизировать.

10, 18. *Я отдаю жизнь Мою⁸, чтобы опять принять ее. Никто не отнимает ее у Меня:* не способна к этому смерть, отнявшая души у всех людей, *но Я Сам отдаю ее.* Я полагаю ее даже до ада («Во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог...»), чтобы опять вывести ее из ада, но не одну, а с бесчисленным сонмом боголюбивых душ, Меня там ожидавших. Ни смерть, ни грех, ни ад не имеют власти над Богочеловеком. Он Сам, по Своему непреложному человеколюбию, нисходит до дна смерти, до дна греха, до самого дна преисподней, чтобы отовсюду вывести человеческие существа и спасти их. Хотя Он и человек, но любое хотение человеческого естества получает совершенное

⁸ В церк.-слав.: *душу Мою полагаю.* — Примеч. пер.

содействие от Его Божественной силы, и так Он творит все Свои дела. Он как Богочеловек имеет эту *власть* — *ἐξουσίαν ἔχω*. Он полагает Свою душу за всех людей через крестную смерть и паки принимает ее через воскресение. И тем самым спасает человеческий род. Все это совершил Он по Своему бесконечному человеколюбию. Посему Бог Отец именно это и соделал заповедью спасения, так что Спаситель говорит: *Сию заповедь получил Я от Отца Моего*.

10, 19–22. Все вышесказанное — основание, фундамент Евангелия спасения, Евангелия истинного пастырства в человеческом роде. А иудеи? А многие наши иудействующие современники? Что говорят они? *Он одержим бесом и безумствует; что слушает Его?* Что это значит? Это значит: для человека-де нормально, разумно и мудро остаться рабом греха, смерти и диавола; и чтобы руководили им наемники; и что-де в человеке нет ничего бессмертного, вечного и божественного, а потому Богочеловек будто бы не только не нужен, но даже и вреден для человечества, так как Он *одержим бесом и безумствует*. Поистине этот суд о Богочеловеке страшнее и извращеннее даже того, который совершится в аду: ибо сойдет Он и в ад, но и там — как, впрочем, и здесь, на земле, — бесы признают Его Богом, и Сыном Божиим, и святым Божиим. Разве в своем отношении к Богочеловеку не оказались люди более отвратительными, чем все бесы вкупе, во главе с диаволом. И если таковы они по отношению к Нему, то разве могут тогда и друг ко другу не быть людоедствующими самолюбцами, руководствующимися лишь понятиями стадными. [Неужели] такой суд об Иисусе? Да, вот он, налицо: именно он и протаскивается во многих современных теориях о Христе и Его Евангелии. Согласно суждениям иудействующих, все это наивно и сентиментально, все это — больной и болезненный идеализм, нездоровое учение, болезненное учение, опиум для народа, ложь, проказа, обман, грезы, неосуществимые мечтания — все что угодно, но только не Благая весть, не новая жизнь, не спасение, не просвещение, не решение главных жизненных проблем. Но если Богочеловек — не все это, будь Он и бесконечно выше всего этого, то ни человек, ни земля, ни небо не имеют никакого разумного смысла, ведь тогда все вокруг нужно сжечь и полностью уничтожить. Людям остается сделать лишь последнее усилие для их демонического предприятия: придумать своего рода динамит, которым они сами же вдребезги разнесут и небо, и землю, и, что самое главное, — людей, людей, людей...

Христос в Храме говорит об Отце и о Себе (10, 23–42)

10, 23–24. Как Богочеловек, первый и единственный, Господь Иисус Христос есть самое загадочное явление в людском роде. Как совершенный Бог и совершенный человек Он непостижим, ибо людям как существам несовершенным недостает адекватного средства, с помощью которого они могли бы полностью Его уразуметь. Только Им Самим человек может Его познать или, точнее, познавать. Лишь живущий Им и в Нем возрастает в постепенном Его уразумении и постижении. Только так человек может к Нему приблизиться, то есть лишь врастая в Него, срастаясь с Ним, как виноградная ветвь с лозой; и лишь изнутри могут быть зримы Его Богочеловеческие тайны и силы. До тех пор, пока люди рассматривают Его снаружи, пока они вне Его, Он Собой представляет для них как бы загадку, преисполненную мучений и тем не менее притягательную. И они, подобно Его христорборческим современникам, задают Ему вопрос: *Долго ли Тебе держать нас в недоумении? если Ты Христос, скажи нам прямо.* Проблема Христа охватывает все главные проблемы человеческого бытия: проблему добра и зла, проблему греха и добродетели, проблему жизни и смерти, проблему Бога и человека, проблему мира и диавола. Ведь Христос потому и Спаситель, и Мессия, что решает все эти проблемы или имеет решить их в будущем. Разумеется, Иисус засвидетельствовал, что Он — воистину Христос, ибо все эти проблемы разрешил Он самой Своей жизнью, опытно, практически. Так, проблему жизни и смерти Он решил Своим Воскресением, проблему добра и зла — непрерывным осуществлением в течение всей Своей жизни совершенного Божественного блага и тем самым непрекращающейся победы над грехом и злом; проблему Бога и человека — посредством явления в Самом Себе и Бога, и человека в их идеальном совершенстве и ипостасном единстве; проблему мира и диавола — через освещение Своим Божественным светом всего мира и тем самым через раскрытие как сущности мира, так и сущности диавола. Разумеется, для людей уровень мессианских проблем оказывается слишком высоким, так что, как правило, эти проблемы они упрощают, низводя их на более низкую ступень, а затем — еще в более приземленную плоскость, то есть начинают искать мессий в области экономики, науки и техники, культуры и искусства. Все эти проблемные уровни — слишком недостаточные и на самом деле мессианскими не являются.

10, 25. Иисус — Мессия = Христос? Он доказывает это и словами, и делами: в них — одно и то же Евангелие; Его дела — это Его осуществленное Евангелие, то есть Его слова, претворенные в дела, воплощенные в практику, в земную действительность. Во все это человек может логически и сознательно верить, если желает быть последовательным в очевидной реальности; однако способен он это и отрицать, если не захочет поверить явным фактам. Это находится во власти людской воли и понимания. В этом — страшная и величественная свобода человека: он может либо признать, либо отвергнуть Бога и всю действительность. В этом и тонкость как его самосознания и духа, так и его страданий и мук. Дела в человеческом мире суть объективация мыслей, чувств, желаний = духа; дела же Иисуса — это объективация Его духа. Что они показывают, о чем свидетельствуют? О том, что Он — и вправду Мессия, действительно Богочеловек. *Дела, которые творю Я во имя Отца Моего, они свидетельствуют о Мне: они свидетельствуют*, что все они — от Бога, все совершаются Богом; что никто из людей не мог бы их творить и что каждое из них приводит к Богу. Значит, в человеческом мире Божии дела суть реальность, факты, земной опыт. Все здесь опытно, эмпирично, экспериментально. Здесь как бы отсутствует граница между Богом и человеком, между миром дольным и миром горним: весь Бог присутствует в мире сем, лично бытийствуя и в Своих делах. Раньше присутствовал Он в мире как промыслительная логосная Сила; теперь же — как вочеловечившийся, взявший на Себя вещественную плоть Бог Слово, как Божественная Ипостась, Которая и творит Божественные дела через посредство Своего человеческого тела. И все присущее этой Ипостаси стало человеческим, людским, посюсторонним, земным. Бог нам уже не чужд и не далек от нас, Он уже не некая абстракция, идея или смысл, но весь — в нашей земной действительности, весь проявляет Себя через реальные факты, весь по-человечески осязаем. *Но вы не верите, ибо вы не из овец*

[10, 26.] *Моих, как Я сказал вам.* В силу чего люди перестали быть Христовыми, Божиими овцами? В силу того, что отвергли бессмертие и пригрели у себя смерть; сделали же они это, возлюбив грех, одичав от него, превратившись в волков зла. Любовь ко греху отъемлет у них веру в Безгрешного; сладострастие не дает им любить Бесстрастного. Ибо Христос — это смерть для любого проявления сладострастия и для всякой привязанности ко греху; и Он же — жизнь для всего божественного, вечного, бессмертного. Грехолюбие повредило у человека

и зрение, и слух, так что ни в Боге не видит он Бога, ни в словах Божиих не слышит Бога: человек всецело и слеп, и глух для всего Божиего, Христова, спасительного. Но если возненавидит он грех и возлюбит Христа Бога и Его Евангелие, то начнет

[10, 27–28.] прозревать: [тогда] во Христе он уже узрел Бога и услышал Его в словах Христа. Такой человек исполняется ведения и открывает, что все ценное в нем самом принадлежит Богу Слову, Христу, что все это — свое Богочеловеку и что естественно только то, что следует за Ним. И еще: с помощью евангельских добродетелей и святых сил он все теснее сродняется со Христом, все более Ему принадлежит и все глубже Его познаёт, уразумевает. Последуя же за Богочеловеком Христом, он, по сути дела, шествует своей несовершенной истиной за Истиной совершенной, своей несовершенной правдой за Правдой совершенной, своей несовершенной любовью за Любовью совершенной, своим несовершенным бытием за Бытием совершенным, своей несовершенной жизнью за Жизнью совершенной. Посему Спаситель и говорит: *И Я даю им жизнь вечную, и не погибнут вовек; и никто не похитит их из руки Моей.* Вечную жизнь Спаситель подает через все евангельские добрые дела: через любовь, веру, молитву, пост, смирение и другие. Через каждое из них Он насыщает человеческую душу вечной жизнью⁹. Поэтому каждый [человек], подъемлющий подвиг евангельской святой любви, евангельской молитвы, поста или любой другой добродетели, чувствует себя причастным вечной жизни еще здесь, на земле. Все это суть святые Божественные силы, духовно соединяющие человека с Богочеловеком, наполняющим его — при посредстве этих сил — вечной жизнью. *И не погибнут вовек*: никакая смерть не имеет над ними власти, потому что все свое существо, всю душу, все сердце, всю силу — перенесли они в бессмертие и вечность, в Богочеловека. *И никто не похитит их из руки Моей*: никто из бесов, никто из христоворцев, никто из духовных людоедов. Смерть, ты хочешь меня похитить? Но я в руке Его, Богочеловека; как же *похитишь* ты меня из руки Бессмертного и Всепобеждающего? И вы, все подряд пороки, — как исторгните вы христоносцев из руки Христовой? Ведь во всем этом предстоит вам иметь дело с Богочеловеком, а не с тленным человеком. А через Богочеловека вы будете иметь

⁹ Букв.: разливает вечную жизнь по душе человека. — *Примеч. пер.*

дело с Самим Богом Отцом. И если соблазнитесь о Богочеловеке, что Он будто бы слаб и немощен, потому что носит плоть, — но ведь через плоть и из плоти нераздельно соединен Он с Отцом. Поэтому вся

[10, 29–30.] Его сила и могущество — от Отца и во Отце: *Отец, Который дал Мне их, больше всех; и никто не может похитить их из руки Отца Моего*: никто, так как руки всех сотворенных существ слишком коротки и бессильны, чтобы могли они их простирать к Богу Отцу и отнимать христолюбцев из Его всемогущих рук. *Никто*: ни смерть, ни диавол, ни грех. А все остальное в мире — влечет к Богу, притягивает к Богу, направляет к Богу, тем более что Богочеловек единосущен с Богом Отцом. В этом — Его исключительное всемогущество и Божественная сила: *Я и Отец — одно, ἐν ἑσμεν*. Я — Богочеловек, Я — Бог Слово с плотью; и плоть сию соделал Я Своей, Своей Моему Божеству; и через Мое Божество Я соединил ее и соделал Своей и Отцу. Хотя она и Моя лично, но через Мое Божество [она] пребывает в особом единстве с Отцом Моим. Через плоть и по плоти Я единосущен с людьми; через Божество же и по Божеству Я единосущен с Богом Отцом. Поэтому людям Я могу чисто человеческим, естественным образом предлагать и подавать Божие, а Богу — чисто Божественным, естественным образом принести человеческое. Таким образом, Богочеловек знаменует Собой единящую связь, сочленение между Богом и людьми, между миром оным и миром сим. Совершенный Богочеловеческий синтез. Это естественно и логично, если даже с высшей, с самой выпрenneй человеческой точки зрения рассмотреть Богочеловека и Его место и значение в мире.

10, 31–33. Но неестественно и нелогично — рассматривать Богочеловека глазами, полными греха, и сердцем, утопающим в низменных страстях и пресмыкающимся по земле. Тогда все исследование ведется поврежденным умом и извращенной логикой; естественное следствие такого анализа — ложные выводы. Грех сначала разъедает в человеке ум, затем оскверняет сердце, так что человек не видит в истинном свете ни себя самого, ни Бога. В этом причина того, что многие Христовы современники не видели в Нем Богочеловека и даже хотели побить Его камнями за Его утверждение, что Он — одно с Отцом. Спаситель напоминает им тогда о Своих *добрых делах*, совершенных открыто, перед глазами всех. Каковы эти дела? За какое из них заслуживает Он побиения камнями? И — о, дивное чудо! — ни один из иудеев не сказал: дела Твои не добры! или же: вот это Твое

дело — не доброе и за него Ты заслуживаешь быть побитым камнями! То есть все происходит так же, как и тогда, когда Он их спросил: *Кто из вас обличит Меня в неправде (во грехе)?* Но теперь они находят софистический, лукавый ответ: *Не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что Ты, будучи человек, делаешь Себя Богом — ποιείς σεαυτὸν Θεόν.* Но то, что они именуют богохульством, есть величайшая, самая главная истина Богочеловека; на ней утверждается как Он Сам, так и все Его Богочеловеческое дело спасения мира. Ибо лишь как Бог и человек может он осуществить — и действительно осуществляет — спасение мира от греха, смерти и диавола. Не от чего-либо меньшего и слабейшего, но от этих трех самых страшных, поистине людоедских сил. Да, будучи и в самом деле равным Богу, ибо Он — Бог, Господь Иисус Христос настойчиво защищает это, вплоть до того, что за сие [иудеи] грозятся побить Его камнями. Ведь это — именно то, от чего Он никогда и ни за что не может отречься. В противном случае Ему пришлось бы отречься от Самого Себя и от всего Своего Домостроительства спасения. Спаситель обобщивает это Священным Писанием.

10, 34. Так, Бог говорит людям: *Вы — боги, θεοί ἐστε.* В силу чего? В силу богоподобия души. *Вы — боги,* но только боги захиревшие, увядшие, недовершенные, ибо во грехах своих помрачили вы свои богоподобные существа, которые были сотворены для того, чтобы им, пройдя через созидание, совершиться в богов по благодати. *Вы — боги* и по цели сотворения, и по средствам, предоставленным вам в раю к этому становлению. Но вы избрали грех, чтобы самим превратить себя в богов: будете, как боги; и вот во грехе вы соделались подобными бесам. Ведь грехи — это и есть та сила, которая уподобляет человека диаволу. То, что люди истребили грехом, — то есть вместо того, чтобы войти в подобие Богу, они уподобились диаволу, и вместо того, чтобы быть богами по благодати, [они] стали по своим грехам сродни бесам, — все это во всей полноте впервые в истории человеческого рода осуществлено в Богочеловеке Христе. Он — воистину человек и в то же время Бог¹⁰. Как человек Он показывает всем, что Он — Бог. Если же в Священном Писании богами названы те, к которым было слово *Божие*, как тогда не Бог — Сын Божий, Христос?

¹⁰ Букв.: Он человек, Который есть Бог. — Примеч. пер.

10, 35–39. *Не может нарушиться Писание*, то есть не может не исполниться или же быть отвергнуто как нечто якобы ненужное, или ложное, или излишнее. А Христос? Разве самым Своим явлением не подтверждает Он всего реченного о Мессии в Священном Писании? Ведь Сам Христос *нарушил* бы всецелое Божие Писание, если бы отрекся от того, что Он — Бог и Сын Божий. О том, что Он — Бог и Божий Сын, свидетельствуют все Его Божественные дела на земле. Рассмотрите любое из них, загляните внутрь его — в каждом вы обрящете Бога Отца, Его всесозидательную Божественную силу. Более того, Спаситель ясно выдвигает дилемму: *Если Я не творю дел Отца Моего, не верьте Мне; а если творю, то, когда не верите Мне, верьте делам Моим, чтобы узнать и поверить, что Отец во Мне и Я в Нем.* Когда *не верите Мне*: потому что видите Меня в тленной человеческой плоти, потому что *Я плотник*, потому что во всех отношениях Я человек, то — вот Мои дела: *верьте делам Моим*, ведь вы сами свидетельствуете, что среди них нет ни одного худого (ст. 33), но все они *добрые*, а это значит, все они — Божественные. Пойдите вслед за Моими делами — куда приведут они вас, если не к Отцу Моему, Который во Мне? И не ко Мне, Который в Отце? Хотя они и человеческие по своей земной реальности и очевидности, все Мои дела — Божественные по силе и по причине. Все они руководствуют через Меня к Отцу и через Отца ко Мне. С единственной целью: показать, что *Я, будучи человек*, есмь в то же время Сын Божий и Бог. И как таковой, лишь как таковой — Мессия и Спаситель.

10, 40–42. Самое убедительное свидетельство тому — святой Иоанн Предтеча. Собственно говоря, все его свидетельства об Иисусе как Мессии сводятся лишь к одному: о том, что Иисус есть Сын Божий, Бог. Такой Иисус — это самое большое чудо в истории человечества. А Предтеча, первый свидетель, и апостол, и ангел этой единой благой вести, — это великий Божий пророк и провидец. Многие из евреев это чувствовали и осознавали — поэтому после всего, что Иисус сказал о Себе как Сыне Божиим и Боге, говорили: *Иоанн не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно. Не сотворил никакого чуда*, однако указал на величайшее чудо мира сего — на Богочеловека Христа. В этом и состоит служение Предтечи: свидетельствовать о чуде. И он исполнил порученное ему Богом дело; *и многие <...> уверовали в Него*, то есть в Иисуса как Сына Божия и Бога.

Глава 11

Воскрешение Лазаря (11, 1–57)

11, 1–5. Евангелие Божественной дружбы: всё соткано из света и нежности. Всё в нем ново и по-новому, т. е. по-евангельски, по-Богочеловечески естественно. Сколько трогательной нежности в этом самом извещении сестры Лазаря: *Господи! вот, кого Ты любишь — ѓν φίλεϊ, болен*. И сколько нежного Божественного всемогущества в ответе Спасителя: *Эта болезнь не к смерти, но к славе Божией, да прославится через нее Сын Божий*. — Всё ново, ново по-евангельски, по-Богочеловечески: *болезнь не к смерти*, если здесь, среди нас, людей, — Сын Божий. Более того, она — *к славе Божией*; и это поистине благая весть, всецело новая. В ней основа новозаветного благовестия, Евангелия. Если Богочеловек того хочет, то и болезнь обращается в Божию славу. А Он всегда хочет этого среди тех, кто и сам того желает, и выражает это свое желание своей исключительной к Нему любовью, которой и Он к ним проникнут. И не только болезнь, но и самую смерть устрояет Богочеловек *к славе Божией*. Этого не может сделать никто из людей. В этом Его благовестие достигает вершины: Он первый в людском роде претворяет смерть в сон, провозглашая человеческую смерть спасением. Ибо Он, Всемогущий и Всемиловитый Бог и Господь, пробуждает людей из смерти, как ото сна:

11, 11–14. *Лазарь, друг наш, уснул; но Я иду разбудить его*. Ученики не понимают такого отношения к смерти; да и кто из людей может это постигнуть, если совокупный опыт человечества свидетельствует о том, что смерть есть уничтожение тела, а не сон? *Тогда Иисус сказал им прямо: Лазарь умер*. Значит, Благая весть Богочеловека приравнивает смерть ко сну, т. е. тело засыпает сном, из которого Богочеловек может его пробудить. Смерть более не страшна, не есть она уже пугало человечества. Но это лишь в том случае, если Богочеловек — [действительно] в нашем человеческом мире, и если Его глазами, Его Евангелием рассматриваем мы смерть и оцениваем ее природу и ее появление. Что такое смерть? — Смерть есть сон тела вплоть до чего? — До той поры, пока этого хочет Господь, т. е. до всеобщего Воскресения. Доказательство? Воскрешение Лазаря. Ибо оно показало, что для Господа Иисуса Христа смерть есть поистине лишь усение, засыпание тела. И причем засыпание временное, хотя бы

и продолжалось оно до Страшного Суда. Но в таком случае смерть никоим образом не страшна для Христовых последователей. Ибо чувствуют они и знают, что перед Господом немощна она, как сон и тень.

11, 15–20. На это указывает и Сам Спаситель, ибо сразу же после слов *Лазарь умер* он добавляет: *И радуюсь за вас, что Меня не было там, дабы вы уверовали.* — *Радуюсь за вас*, что смерть — здесь, чтобы вы могли увидеть, как она немощна, и что она — действительно лишь сон для тела, из которого Я могу пробудить человека, когда захочу. Никогда и никто из людей о смерти так не говорил, так со смертью не поступал и не имел над ней такой власти.

11, 21–22. Это знают лишь Его самые близкие, которые божественным чувством любви привязали себя к Нему, вошли в Его мир, проникли в Его тайны и стали его друзьями. Вот, ведают это Марфа и Мария и говорят об этом открыто: *Господи! если бы Ты был здесь, не умер бы брат мой. Но и теперь знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог.* Распространите это на всех людей всех времен. Но тогда получится, что Богочеловек и вправду не *был здесь*; грехами мы изгнали Его из нашей среды, с земли; ведь во всех своих грехах мы настойчиво, по-христорчески выкрикивали Ему: Не хотим, чтобы Ты царствовал над нами! Желаем смерти, пусть она царствует! До всего этого простерлась наша любовная привязанность ко греху; а значит — и наша прямая или косвенная любовь к смерти, наша влюбленность в смерть, наша воля к смерти. По существу — это наша воля к немощи, к тлению, ко всему преходящему, тогда как Христово Евангелие — это воля к бессмертию, к нетлению, к вечности, т. е. воля к силе, к подлинному могуществу, потому что только та сила истинная, которая претворяет смерть в немощь, в сон, в тень. Дабы человек это уразумел и почувствовал, ему необходима вера в Богочеловека: *Знаю, что чего Ты попросишь у Бога, даст Тебе Бог.* Вот — правая вера: вера в абсолютное Христово всемогущество.

11, 25–26. Такой вере Спаситель открывает всю тайну Своей Личности: *Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий и верующий в Меня, не умрет вовек. Вернись ли сему?*

В этом — как бы сокращенное всеспасительное Евангелие Богочеловека: Он есть воскресение и жизнь, т. е. победа над смертью и бессмертие, и жизнь вечная; а от человека требуется лишь вера в Богочеловека, ибо этой верой он побеждает смерть и приобретает бессмертие и вечную

жизнь. *Я есмь воскресение и жизнь*: кто пребывает во Мне, и в ком Я пребываю, тот и сам — воскресение и жизнь; это чувствует он всем своим существом еще здесь, на земле; смерть тела для него — лишь временное его усупение, душа же ощущает себя бессмертной и живой, всецело обитая во Христе и продолжая свою жизнь за гробом, и причем жизнь не ущербную, а всю наполненную Христом, а это значит — всю пронизанную все-жизнью, в которой нет ни малейшей частички смерти. [Такой человек] ощущает смерть человеческого тела как сон, из которого оно со своей душой пробудится в День Суда — к вечной жизни. Это и означают слова: *Верующий в Меня, если и умрет, оживет*. Кто в мире сем живет верой Христовой, т. е. Христовым Евангелием и Его Божественными силами, тот всю свою душу настолько оживляет все-жизнью во Христе, настолько вводит ее в истинное бессмертие, что ни она сама, ни всё ей присущее никогда уже не умрет. Это чувство все-жизни, всебессмертия является главным чувством всех Христовых подвижников в этом мире. Пример тому — святые мученики и вообще все святые. Это их всеобъемлющее чувство и сознание: из него они выводят все свои мысли, все чувства, все хотения, все дела. Одним словом — всю свою жизнь. Смерть распространяется в душе через грехи, через пристрастие к пороку. А бессмертие и вечная жизнь — через любовь ко Христу, через исполнение заповедей Христова Евангелия. Грехи отсекают душу от Бога, а тем самым — от Источника жизни и бессмертия, и погружают ее в голод и смерть: ибо душа живет Божественными силами; обособление от них — это для нее смерть: она и далее существует, точнее — лишь прозябает, не насыщаясь Богом, а это значит — она не живет, не стремится к Богу, мертва для Бога. Жительство же по Евангелию наполняет душу бессмертными Божественными силами, в которых и заключается бессмертная и вечная жизнь (*Так поступай, и будешь жить* — Лк. 10, 28). В этом — весь Богочеловек; в этой реальности Его Личность — это и воскресение, и жизнь; человек же — весь в этом: в вере в Богочеловека. Поэтому Спаситель и завершает это Свое всеспасительное благовестие вопросом: *Веришь ли сему?* Ведь в этом — вся премудрость, вся истина, вся правда, весь смысл людского существа и человеческой жизни. Всё это открывается лишь искренней любви ко Христу, кто бы ни был вопрошающий: Марфа или иной человек. И каждый вместе с ней и как бы ее устами исповедует свою веру в Иисуса как Богочеловека и Спасителя: *Так, Господи! я верую, что Ты Христос, Сын Божий, грядущий в мир*. Ибо мир без Тебя — это смерть, ужас, ад; а с Тобой — бессмертие, радость, рай.

11, 33–38. Нет факта более потрясающего, чем присутствие смерти в человеческом мире, сотворенном Богом для бессмертия и вечной жизни; нет — даже для Богочеловека, а тем более для человека. Дабы оплакать этот факт, у человека никогда не хватит ни слез, ни причин. Вот, над этим страшным фактом плачет и Единственный Победитель смерти — Богочеловек Христос. Настолько этот факт страшен, и трогателен, и таинственен. Как могло случиться, что человек так легкомысленно ввел в свой мир своего величайшего врага, передав ему царство своей души и воцарив его на всех престолах своего бытия? И отверз ему все обители и покои своего сердца? И все сокровищницы своего сознания и совести, так что весь был поражен смертью и пропитался ею? Смерть же стала для него и логичной, и естественной, хотя ничего более нелогичного и неестественного, чем она, нет ни на небе, ни на земле.

11, 39–40. От присутствия смерти в человеческом теле — тело воссмердело. А от присутствия смерти в душе точно также воссмердела и душа. В душе смерть присутствует грехами, т. е. посредством грехов. Поистине лишь Богочеловек есть Божие благоухание; и лишь Христом люди делаются *Христовым благоуханием Богу* (2 Кор. 2, 15). Он — благоухание жизни, а всё, что не Он, — смрад жизни, ибо всё это умерщвляет жизнь и всё живое, расточая их, поражая смертью. Богочеловек безгрешен, и как таковой Он — весь Божие благоухание в нашем мире. Когда верой вселяется Он в человеческие сердца, тогда люди вытесняют из себя грехи и их смрад и становятся *Христовым благоуханием Богу*. В том и состоит благовестие о Христовом бессмертии, что Он наполняет благоуханием всё людское существо. А горькое вестие смерти — это то, что наполняет человеческое существо зловонием. Лазарь уже *четыре дня* во гробе, и *уже смердит*, — смерть своей отвратительной сутью присутствует в теле Лазаря. Есть ли от нее спасение? Ведь она превратила человека в стыд и срам! А Спаситель о смерти говорит: *Не сказал ли Я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию?* Да, из этого очевидно, что истинная вера — это верить в самое невероятное, в то, что сопротивляется всему накопленному опыту человеческого рода, и разуму, и уму, и знаниям. Да, правая вера — в отвержении всего человеческого и в полном предании себя Богочеловеку. Если не отречетесь от себя и всего, что имеете, не можете быть Моими учениками и идти за Мною, — в этом евангельская дилемма веры. Если человек ее не усваивает — следовательно,

он не имеет евангельской веры. А к тому же это значит, что он вообще не пережил своего личного воскресения Христом: воскресения души, совести, сердца, — ибо не сошел он в свои сокровенные катакомбы смерти, рассеянные по его существу, и не изгнал из себя — воскрешающей и всежизненной Христовой силой — всякую смерть. Ведь правая вера верует, что Христос может воскресить из мертвых и тех моих самых мертвых мертвецов, которые *уже смердят*. А такковы суть все силы моей души, расслабленные и умерщвленные грехами и страстями. Воля моя — вся мертва пред Богом, если подвержена она грехам; душа моя и сердце мое — мертвы пред Богом, если в них царствует пристрастие ко греху и его улады; мысли мои — мертвы пред Богом, если они худы, нечисты, осквернены; чувства мои — мертвы пред Богом, если через них я вбираю в себя самолюбие. На самом деле, во мне — несметное множество мертвецов, и они издавна *уже смердят*. И лишь Богочеловек может воскресить их из мертвых, как только Он смог воскресить и четверодневного Лазаря.

11, 41–42. Ведь воскресение из мертвых — всецело от Бога. Это показывает и само обращение Богочеловека к Богу Отцу перед воскрешением Лазаря. Один человек без Бога не может здесь сделать ничего. Но он способен дать от себя то, на основе чего Бог может сделать для него всё. Речь идет о вере: о вере в невозможное, о безусловной вере в Богочеловека и в Его всемогущество и все-любовь. Такая вера и знаменует собой полное послушание и покорность Богу: всецелое сознание собственной немощи и Христова всемогущества. Апостол свидетельствует: *Когда я немощен, тогда силен* (2 Кор. 12, 10); и еще: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4, 13). Смирением Господь подает благодать, а гордым противится. Это основной принцип евангельской жизни, т. е. вечной жизни и победы над смертью; главное начало и того, и другого.

11, 43–44. *Лазарь, иди вон!* — И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами, и лицо его обвязано было платком. *Иисус говорит им: развяжите его, пусть идет.* Вот очевидный, представленный нам факт, но сокровенен способ осуществления этого факта. В малом как бы повторяется всё мирозидание. Ведь и вселенная представлена нам как готовый факт, но не показан самый образ ее сотворения, ее внутренняя архитектура. Ми видим растущую траву, но не ведаем, как она растет. Так и воскресение Лазаря, и вообще воскресение мертвых: это — факт, это — реальность, осуществляемая

Божией силой, но как — этого мы не видим и не знаем. И даже так: мы чувствуем, имеем ощущения, но как они в нас формируются, и какие наши внутренние силы участвуют в их становлении — это нам неизвестно. То же самое относится и к нашим мыслям.

11, 45–46. Цель и этого чуда — спасение человеческих душ через веру: *чтобы поверили, что Ты послал Меня* (ст. 42). И поистине многие из иудеев, увидевшие, что сотворил Иисус, *уверовали в Него*, т. е. приняли Его для всего и вся в своей жизни.

11, 47–48. А фарисеи и первосвященники *собрали совет и говорили: что нам делать? Этот Человек много чудес творит. Если оставим Его так, то все уверуют в Него, и придут Римляне и овладеют и местом нашим и народом.* — Какая сатанинская логика: из чисто духовных фактов они ухищренно извлекают политические выводы! Воскрешение умершего Лазаря, какую связь имеет оно с римской политикой? Никогда, ни единым словом, а тем более — ни делом, ни чудом, Спаситель не соотносился с политическим положением евреев. Он спасал их от греха и приносил им свободу от греха, смерти и диавола. И не только им, но и всем людям возвещал Он одно и то же Небесное и Божественное Евангелие: как побеждается грех и смерть, и как, с помощью святых Божественных сил и добродетелей, приобретает бессмертие и вечная жизнь. Всё же остальное, принадлежащее к человеческой жизни, должно нормироваться по отношению к этому и регулироваться этим и в свете этого.

11, 49–52. А они ложно приписывают Спасителю политические цели. Впрочем и эти их козни Божий Промысл использует и облакает в пророчество о спасительности смертной Христовой Жертвы за еврейский народ и за всех людей вообще: потому что Своей смертью Богочеловек *и рассеянных* (грехом и смертью) *чад Божиих соберет воедино*. И тем самым разрушит все политические иудейские планы; и — *соберет* всех людей в *единую* Истину, в одно Евангелие, в один святой народ, в народ Божий.

11, 53. Вообще говоря, современный Христу иудейский интеллектуализм неизвинительно поврежден и ущербен: он хватается за воскресение Лазаря как за самый решительный повод к тому, чтобы убить Богочеловека: *С этого дня положили убить Его.* — *Убить Его* за то, что, воскресив Лазаря, Он показал, что человек есть существо бессмертное, и что силу бессмертия имеет и подает людям лишь Богочеловек. Они словно говорят: Не хотим бессмертия! Не желаем Бессмертного!

Жажем остати́ся раба́ми сме́рти, чтобы́ всё у нас было́ сме́ртным, всё, всё, всё...

Источники

Јустин Ђелијски (Поповић), преподобни. Тумачење Светог Јеванђеља по Јовану. Београд, Ваљево: Манастир Ђелије, 2001.

References

Iustin Chelijsky (Popovitch), prepodobny. *Tumachenie Svetogo Jevangelia po Iovanu* [Interpreteation of Saint Gospel of John]. Belgrad, Valyevo: Manastyr Chelye, 2001.

Saint Justin of Chelye (Popovitch) Commentary on the Holy Gospel of John (Jn. 7–10)

Translation from Serbian

Sergey P. Fonov,

Orthodox publishing house Palomnik
palonmik@gmail.com

For citation: Saint Justin of Chelye (Popovich). «Commentary on the Holy Gospel of John (7–10)». Translation by S. P. Fonov. *Diakrisis*. 2023. № 1 (17). P. 14–59. DOI: 10.54700//diakrisis.2023.1.17.001

Annotation. The publication is a translation from Serbian of the chapters 7–11 of the Commentary on the Holy Gospel of John by the famous Serbian holy theologian and prolific church writer of the XX century — St Justin of Chelye (Popovich) (1894–1979). In his exegesis, St. Justin combines a deeply Orthodox understanding of the Gospel text, patristic exegesis and his own original theological and philosophical thought and worldview. The translation was made by S. P. Fonov according to the publication: *Јустин Ђелијски (Поповић), преподобни. Тумачење Светог Јеванђеља по Јовану. Београд, Ваљево: Манастир Ђелије, 2001.*

Keywords: Justin of Chelye (Popovich), Bible, Gospel of John, John the Theologian, patristic exegesis.